

18+



Татьяна Макарова
КРOTOВАЯ НОРА
Том 1



Татьяна Макарова

Кротовая нора

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70846264
ISBN 9785005532718*

Аннотация

Я не могла предположить, что, устраивая бал для своих коллег-физиков, стану свидетельницей убийства известного физика-ядерщика. Мне не повезло, меня заметили, и когда я попыталась убежать, ранили. Потеряв сознание в 2011 году, я пришла в себя в 1755 году. Как не сойти с ума от происходящего, как вернуться домой, кто убил физика, как обезопасить себя, как оставить любимого человека в прошлом и стоит ли возвращаться в свое время? Все эти вопросы мне и предстоит решать.

Содержание

1	6
2	7
3	12
4	16
5	21
6	26
7	35
8	37
9	41
10	46
11	49
12	52
13	55
14	58
15	64
16	65
17	71
18	74
19	79
20	81
21	83
22	90
23	95

24	97
25	102
26	104
27	107
28	109
29	114
30	118
31	121
32	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Кротовая нора

Татьяна Макарова

Редактор Ольга Рыбина

Корректор Ирина Суздалева

Иллюстратор Марина Шатуленко

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Татьяна Макарова, 2024

© Марина Шатуленко, иллюстрации, 2024

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0055-3271-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

21 июня 2014 г. Санкт-Петербург.

Я снова и снова благодарила себя за свое безрассудство.

Морская терраса дворца Монплезир всегда была моим любимым местом в Петергофе. Сегодня было прохладно, ветер путал мои длинные волосы. Я не заметила, что одна прядь зацепилась за брошь на груди, и, стараясь собрать волосы, сильно дернула их. Брошь с тихим звоном упала на вымощенную красно-желтым голландским кирпичом террасу. На мгновение выглянуло солнце, и солнечные зайчики разбежались от сверкнувших камней. Подняв и с силой сжав брошь в руке, так, что грани ее больно врезались в ладонь, я стала вспоминать.

21 июня 2011 г. Санкт-Петербург. Музей-усадьба Державина.

Благодаря подработке во время учебы экскурсоводом у меня появилось много хороших знакомых в музеях Санкт-Петербурга. Теперь я хорошо знала не только историю города, но и многое об Императорской России, хорошо ориентировалась во дворцах и на территориях их парков. И мне удалось-таки организовать для сослуживцев – сотрудников НИИ физики, костюмированный бал после конференции. Конференция была приурочена к 300-летию М. В. Ломоносова.

Прислонившись к колонне в Парадном зале, я смотрела на танцующие пары в костюмах и платьях XVIII века. И следила глазами за приглашенным гостем, физиком-ядерщиком Алексеем Федоровичем Павловым. Он был в летнем льняном костюме и выделялся не только нарядом, но и тем, что ни на минуту не оставался один. Очень многие хотели пообщаться с ним, и я в том числе.

Алексей Федорович обещал мне личную встречу по поводу диссертации. Ради этой беседы я его и уговорила после выступления на конференции прийти на бал. И теперь я ждала, когда же смогу увести его для разговора в Домашний театр, в который можно было пройти из Парадного зала.

Больше такой возможности мне не представилось бы. Павлов в Санкт-Петербурге был проездом, в его плотный рабочий график практически невозможно вклинить, тем более обычной аспирантке. Сейчас мне оставалось только ждать.

Как любительница кед и брюк и на правах организатора и распорядителя бала я надела мужской костюм глубокого синего цвета. Мои длинные каштановые волосы, собранные в тугой низкий узел, отлично сочетались с цветом кафтана. Такой наряд мне удалось найти в костюмерной театра. Он состоял из батистовой рубашки с мелкими пуговичками, с кружевами, с жабо; камзола тонкого бархата; кафтана, который застегивали только на две пуговицы; коротких штанов – кюлоты до колен из той же ткани, что и кафтан; белых чулок. Камзол почти полностью повторял крой кафтана и виднелся из-под него. А вот за туфлями с каблуком и толстой подошвой, подобными той эпохе, пришлось побегать по городу. Да еще была проблема из-за моего не самого ходового размера ноги – 35,5.

Нам повезло с погодой, было прохладно, и хотя Парадный зал был просторным, с большими окнами, из-за большого количества гостей в зале стало душно, да и непривычный костюм не добавлял комфорта.

Я вышла в Польский парк не только чтобы подышать свежим воздухом, но и пытаюсь сбежать от активистки Юль Васильны. Она жаждала поделиться своими восторгами, а также перечислением недостатков того, чего я не преду-

смотрела. Юль Васильна обладала чудовищно высоким голосом и способностью выдавать слова со скоростью пулемета. Из-за того, что слова у нее вылетали быстрее, чем она их успевала проговаривать, окончания она съедала, и порой ее невозможно было понять.

Под предлогом проверки сюрприза я сбежала от нее. Сюрприз организовывала компания, которую не требовалось контролировать и проверять. Салют должен был скоро начаться во дворе со стороны набережной реки Фонтанки.

Из-за белых ночей на улице было довольно светло, из усадьбы доносилась музыка, громкие голоса, смех. Прохладный ветерок приятно охлаждал кожу, шумела листва старых деревьев. Я села на скамейку за деревом у пруда, практически напротив Оранжереи. И только теперь поняла, как устала за время подготовки бала.

Услышав шум за спиной, я обернулась. Алексей Федорович шел, спотыкаясь и пошатываясь, под руку с крупным мужчиной в светлой рубашке с коротким рукавом и светлых брюках к Оранжерее.

Мне стало любопытно, куда Павлова ведут и почему он пошатывается. Я видела, как Алексей Федорович отказывался пить спиртное. Мужчина завел Павлова в Оранжерею.

Я встала со скамейки, постояла несколько минут, раздумывая, нужно ли мне идти за ними. И тоже пошла к Оранжерее. Она была освещена, но из-за высоких растений внутри у окон и полупрозрачного тюля мне плохо было видно,

что там происходит. Чтобы лучше рассмотреть, я поднялась по ступенькам к приоткрытой входной двери и заглянула внутрь. Единственный стул стоял в центре зала, практически напротив входных дверей. И на этом стуле сидел Алексей Федорович, бессильно свесив руки. Кроме Павлова и мужчины, который его привел, я успела заметить еще несколько человек. Один из них мне показался знакомым. Но он был в тени, у меня не было возможности и времени лучше рассмотреть его. У него в руках был пистолет.

Противная струйка потекла по спине между лопаток. Ладони стали ледяными, как всегда у меня при волнении. Я пыталась понять, почему Павлов так сидит.

Раздался щелчок, голова Павлова откинулась, а на груди появилось красное пятно. От неожиданности и ужаса меня качнуло, и, чтобы не упасть, я оперлась о дверь. Дверь закрипела, последнее, что я успела увидеть — как они все обернулись в мою сторону. Я отскочила и, ничего не понимая, побежала к открытым воротам в сторону Молодежного театра на Фонтанке. В это время начался салют. Шум залпов салюта не позволял мне понять, гонятся ли за мной. Только одна мысль билась в голове: убежать, спрятаться, все равно где.

Слава богу, это был не такой масштабный салют, как на День Победы или на выпускной «Алые паруса», во время которого становилось светло как днем. В промежутках меж-

ду залпами, пользуясь относительной темнотой, мне удалось добежать до ворот. Меня хлестко ударило по шее, в глазах так потемнело от боли, что пришлось прислониться к забору. По шее что-то текло. Я схватилась за шею, потом посмотрела на руку – она была в чем-то темном, липком. В ушах зашумело. Рядом со мной в прут забора ударилась пуля. Господи, я даже не услышала выстрел. Сорвав с шеи жабо, зажимая рану, спотыкаясь, я снова побежала.

Прошло всего несколько минут с момента убийства Павлова, а у меня время стало тягучим. Несмотря на ранение, мой мозг продолжал думать: если я не слышала выстрел, то или был глушитель, или выстрел совпал с залпами салюта. Мысли стали путаться.

Перебежав через дорогу, я оказалась в саду.

Почему я не кричала, почему я не искала защиты у других людей, почему я побежала в парк? Я не знаю. Теперь мысли мои скакали, как куча маленьких пластиковых теннисных шариков по столу, и в голове раздавался такой же шум. Последнее, что я помню, как скользнула за кусты, практически упав в них. Все. Темнота.

1755 г. Санкт-Петербург.

И куда я вляпалась в этот раз? Это была первая мысль, которая пришла в голову, как только я проснулась. Вторая — это все сон.

Я открыла глаза, прищурилась, в комнате был полумрак. Почему-то надо мной балдахин, я лежу на мягкой кровати, на резном комоде у стены стоит подсвечник с горящей свечой. Комод рядом со светлой изразцовой печью. Потолки в комнате высокие, с лепниной... И вот теперь на меня накатила страх: где я, где убийцы, угрожает ли мне опасность, почему я не дома? Я попыталась вскочить, но резкая боль пронзила шею. Откинувшись на подушки, потрогала шею. Она была плотно перевязана тканью.

Полежав несколько минут, придя в себя от боли, я осторожно откинула одеяло, повернувшись на бок, тихо встала. Под босыми ногами был мягкий ковер. Напротив комода висело большое зеркало, мне удалось себя рассмотреть. Волосы были заплетены в косу, шея перевязана тканью, на мне была белая легкая длинная свободная рубашка с длинными рукавами и кружевами по подолу, горловине и рукавам.

Поворачиваясь всем корпусом, чтобы не потревожить раненую шею, я осмотрелась. Комната небольшая, кроме кровати и комода, здесь есть банкетка, обитая светлой тканью,

с подушками и небольшой столик со стульями вокруг него. Обстановка в комнате напомнила мне спальню во дворце или особняке.

Я подошла к высокой двери, стараясь не издавать шум, приоткрыла ее. Передо мной тянулся длинный темный коридор, озаряемый мерцающим светом из дальней комнаты слева. Придерживаясь за стену, я подошла к этой комнате. Ноги моментально заledenели: пол был холодный, по коридору гуляли сквозняки. Наконец-то я добрела до комнаты со светом. Голова закружилась. Прислонившись к стене, закрыв глаза, стала прислушиваться к тому, что говорят.

– Прости, что вчера так поздно у тебя появился, да еще с раненой девицей, – тихо проговорил мужской голос. – Она так и не приходила в себя?

Раздался звон чашек.

– Нет, но кровь удалось остановить. Она очень слаба, – ответил молодой женский голос. – А теперь я требую, чтобы ты мне рассказал, кто она такая и где ты ее нашел?

Держась за стену, я осторожно заглянула в приоткрытую дверь. Это была просто огромная комната, целый бальный зал с высокими потолками с лепниной, с большими окнами по одной стороне. Зал освещался свечами в двух канделябрах, большая хрустальная люстра со свечами в центре зала не горела. Один канделябр стоял на стойке-подставке у стены, второй – на столике. В комнате было две группы мебели. На той, что расположилась ближе ко мне, за столиком

с чашками и чайником, в креслах сидели молодой человек и девушка. Молодой человек был в костюме темно-вишневого цвета, девушка в голубом платье с широкими юбками, как будто они были с нашего бала-маскарада. В руках девушка держала чашку с блюдцем, при этом она строго смотрела на молодого человека.

– Я ехал от Шувалова, мы славно погуляли, я практически заснул, – со смешком сказал молодой человек, откинувшись на спинку кресла.

– Хорошо, что была обычная попойка, а не бал-метаморфоза. Я не готова снова увидеть тебя в платье, – перебив молодого человека, девушка засмеялась.

Я тыльной стороной ладони вытерла со лба бисеринки пота, меня кинуло в жар.

– Ты будешь дальше слушать? – постарался сменить тему разговора молодой человек.

– Да-да, слушаю внимательно. – Девушка, наклонившись к столику, поставила чашку с блюдцем на стол.

– И тут под колеса кареты чуть не кидается парнишка.

– Какой ужас, – всплеснула руками девушка.

– Да, хорошо, что кучер успел остановить лошадей, – молодой человек подался вперед. – Когда я вышел из кареты, то увидел, что он был весь в крови. Представляешь мое удивление, когда я увидел, что парнишка-то – девица, да притом милая!

– Ты неисправим, Митя, только девицы на уме, – махнула

рукой на него девушка.

– Катюша, не только девицы, – засмеялся молодой человек. – К себе я ее привезти не мог, поэтому привез к тебе. Костюм у нее дорогой, думаю, что она из состоятельной семьи.

«Ничему жизнь меня не учит, – чуть не произнесла я вслух. – Постоянно меня тянет туда, откуда нужно бежать со всех ног, и желательно как можно дальше». Только об этом я успела подумать, как снова потеряла сознание.

«Господи, что же я как кисейная барышня или ванька-встанька все в обморок хлопаюсь, да еще на самом интересном месте. Все бока уже отшибла», – я снова пришла в себя в той же самой комнате.

Было уже светло. На комоде, кроме подсвечника с потушенной свечой, стоял тазик с кувшином. На столике – графин с водой и стакан.

Дверь в комнату приоткрылась, и заглянула молоденькая девушка с румяными щеками, кругленькими глазками, носом-пуговкой, в чепце. Увидев, что я лежу с открытыми глазами, девушка скрылась за дверью.

– Барыня, барышня проснулись, – раздался за дверью громкий звонкий голос.

Я вздрогнула от неожиданности.

«Так, – стала я думать про себя, – барыня, барышня, странные одежды, обстановка, карета. Кстати, вполне симпатичный молодой человек. Тьфу, балда, нашла о чем думать. Я уже сама с собой разговариваю. Это точно сон или у меня бред от ранения? Но я же помню, как убили физика Павлова, мне же это не приснилось?»

Мои мысли снова, как и той ночью, во время бегства, скакали с одного на другое. Я не могла сосредоточиться.

Мой разговор самой с собой прервал приход той самой де-

вушки, которую я видела в комнате при свечах. Она вошла, оставив дверь широко открытой. Теперь, при свете дня, я смогла ее лучше разглядеть: стройная блондинка чуть выше среднего роста, красивая и достаточно юная. Платье на ней сегодня снова было с корсетом и пышной юбкой.

«Почему она снова в маскарадном платье, и не во вчерашнем, а в новом, отлично пошитом?» – подумала я.

– Прошу простить мою горничную Глашу за шум, – де-вушка мило улыбнулась. – Я хозяйка этого дома, меня зовут Екатерина Андреевна Ростовцева.

Осторожно, стараясь не двигать раненой шеей, я приподнялась на подушках:

– Меня зовут Мария Белозерская. Простите меня за невольное вторжение. Благодарю за заботу обо мне.

Я потихоньку села на кровати.

– Я сейчас пойду, только прошу принести мне мою одежду. – Придерживаясь за кровать, я встала. Меня шатнуло, но я быстро сделала шаг к стулу и удержалась за него.

– Мария, – подошла ко мне Екатерина Андреевна, – вам еще рано вставать, вы слабы. – Она взяла меня за руку и подвела к кровати. – Ложитесь немедленно и расскажите, кто вас ранил, что произошло?

Екатерина Андреевна села на стул перед кроватью, расправив юбку платья.

– Я не помню, что произошло, кто и как меня ранил. А как я оказалась у вас? Кто меня нашел?

– Вас, голубушка, два дня назад нашел мой племянник. Он ехал от графа Шувалова, и тут, как он рассказывал, вы чуть и не попали под колеса его кареты.

– Два дня назад? – дернулась я и громко вскрикнула от удивления и боли в шее.

– Да, вы сначала были без сознания, потом, видимо, пришли в себя, вышли из комнаты, но от слабости опять потеряли сознание. Мы с племянником нашли вас на полу без чувств, он и перенес вас в комнату.

– Господи, – только и смогла я пробормотать.

Что, черт возьми, происходит? Куда меня занесло?

В комнату с подносом в руках вошла Глаша в сером длинном платье с небольшим фартучком на поясе, неловко сделала книксен. На подносе стоял фарфоровый чайник, две чашки, что-то еще было, с кровати я не рассмотрела. Пока пухленькая и подвижная Глаша расставляла все на столике, а Екатерина Андреевна давала ей распоряжения, я наблюдала за ними.

«Так, – думала я, – что я еще узнала: граф Шувалов, по-прежнему странные одежды, чепчики. Постой, вчера говорили про бал-метаморфозу, я помню, что их любила проводить в XVIII веке Елизавета Петровна. И при ней были Шуваловы, а один из них даже был ее фаворитом, кажется, его звали Иваном. Надо срочно придумать какую-то легенду про себя».

Глаша подала мне чашку с чаем. Екатерина Андреевна

с чашкой стояла у окна и оттуда смотрела на меня. Глаша тихо вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

– Я ехала к сестре в Нижний Новгород из Выборга, – начала рассказ я, помня родословную своего рода. Спасибо маме и ее любви к составлению генеалогического древа. Да и моей работе экскурсовода спасибо.

Екатерина Андреевна отошла от окна, поставила чашку с чаем на стол, села на стул у стола.

– В Выборге, – я продолжила свою легенду, – я жила с тетушкой, баронессой Пospelовой, но недавно она скончалась, и старшая сестра Анна, графиня Головина, пригласила меня пожить у них с мужем. Кроме сестры, у меня не осталось родственников, – я сама удивлялась, с какой быстротой я все придумала.

– Бедное дитя, – проговорила сочувственно Екатерина Андреевна.

– Я собиралась ехать с горничной, чтобы она меня сопровождала, как и положено, но она сбежала со своим возлюбленным накануне выезда. Чтобы мне не искать попутчиков и двинуться в путь, я переоделась юношей. Парик скрыл мои волосы. – Чтобы подумать, что говорить дальше, я сделала большой глоток чая, закашлялась.

«Боже мой, что я несу, какую-то дешевую мелодраму придумала про горничную, захочешь – не поверишь», – мелькнула мысль у меня.

Екатерина Андреевна быстро встала, забрала у меня чаш-

ку, поставила ее на столик, помогла мне улечься на подушках.

– Но что же произошло дальше? Как вы были ранены? – накрывая меня одеялом, спросила Екатерина Андреевна.

– Я не помню, как все произошло. Помню, что ехала в карете с попутчиками, был уже вечер, я задремала, и все, больше я ничего не помню, – не думала, что сочинять историю так сложно, тем более чтобы не сболтнуть лишнего. – Мне нужно идти, прошу вас, принесите мне мою одежду. Я не могу вас обременять своим присутствием.

– Отдыхайте, Мария, я вас никуда не отпущу, вы еще слабы. Я что-нибудь придумаю, не тревожьтесь.

Екатерина Андреевна вышла из комнаты.

Я хотела встать, посмотреть, что находится снаружи. Может, вид из окна и происходящее там позволит понять, в каком веке я нахожусь.

«Да, – снова стала размышлять я, – уже не где я, интересуется вопрос, а в каком веке. Чудеса, да и только». – И я заснула.

Днем я себя чувствовала гораздо лучше, и Екатерина Андреевна пригласила меня на обед. Мой мужской костюм мне не отдали. Глаша принесла платье из голубого хлопка с набивным рисунком. И это было еще не все.

Я бы сама не смогла одеться. Теперь я почувствовала на себе, как тяжело приходилось дамам XVIII века.

В том, что я в XVIII веке, я убедилась до сборов на обед. Мне удалось дойти до окна и посмотреть на улицу. Мои последние надежды на то, что мне все снится, я брежу от ранения, что я просто попала в какую-то секту, пошли прахом. На улице я рассмотрела кареты, людей в старинной одежде, да и дорога была мощеной.

– Барышня, – причитала Глаша, начав меня переодевать к обеду, – какая же вы тощенькая.

Пока Глаша что-то брала с банкетки, я натянула батистовую сорочку с коротким рукавом и низким вырезом.

Что-то оказалось корсетом. Глаша стала надевать на меня корсет V-образной формы со шнуровкой на спине и лямками. И шнуровка, кстати, отличалась от тех, что есть сейчас, к которой мы привыкли, и тех, которые я видела в фильмах. Это была шнуровка не крест-накрест, а «спиральная», я вспомнила название. Теперь я смогу читать лекции по моде XVIII века, правда, не знаю, какого года.

Я стояла боком к зеркалу, расположенному на стене, осторожно повернув голову, и с интересом наблюдала, как она меня шнурует. Дырочки на корсете располагались в шахматном порядке, завязку Глаша закрепила с одного конца, последовательно продела через все отверстия корсета и завязала с другого. Да так ловко и быстро у нее это получилось. Но когда она затягивала шнурок, мне уже было не так интересно.

Я знаю, какой пытке я подвергла бы своего врага – надела бы корсет, да еще и потуже затянула.

Это самая натуральная пытка! Дышать стало так тяжело, было ощущение, что мою грудь сдавили тисками. Ни в какое сравнение не идет с современными корсетами, которые мне довелось носить. И это еще Глаша корсет как полагается не затягивала.

– Я не буду сильно корсет затягивать, вы еще не совсем здоровы, и фижмы, барыня сказала, на вас не надевать.

Следом Глаша надела на меня пышную нижнюю юбку. Усадив на стул, помогла надеть шелковые чулки цвета слоновой кости, завязав подвязкой на бедре. И уже на все это сверху – длинное платье из голубого хлопка с набивным рисунком и пышной юбкой.

– Как же вам подошло платье хозяйки, только маленько длинновато, – осмотрев меня, сказала довольная Глаша.

Я решила воспользоваться болтливостью Глаши, которая без умолку тараторила обо всем подряд, но все равно я

не могла из ее разговоров ничего ценного для себя услышать.

– Глаша, сколько тебе лет? Как давно ты здесь служишь? – вклинилась я в ее болтовню.

– Осьмнадцать годков. Я с деревни, что барыне принадлежит, я не служу, я родилась там.

«Как же мне у нее узнать, какой сейчас год, какой вопрос задать? – думала я. – Сколько лет, узнала, а знает ли, какого она года. Ладно, рискну, спрошу».

– Глаша, в каком ты году родилась? Что-то голова у меня побаливает, не могу сосчитать.

Глаша удивленно посмотрела на меня, потом, застегивая многочисленные крючки на спинке моего платья, зашевелила губами.

– Одна тысяча семьсот тридцать седьмом, вот. – Глаша закончила с крючками, обошла меня, осмотрела.

Она взяла стул, поставила его напротив зеркала.

– Садитесь, барышня, я вас причешу. – Она ухватила расческу с комода, куда положила ее, когда принесла вместе с ворохом одежды.

Я села на стул и, пока Глаша укладывала мне волосы, занялась подсчетами. Никак не могла сообразить, какой же сейчас год. Видимо, действительно, с головой у меня проблемы. Я ухмыльнулась. Как сказал мой старший брат после моего очередного восхождения на Эльбрус – большая на всю голову.

«Итак, соберись и считай, – приказала я себе, – 1737 плюс

18, это будет... – Я прямо чувствовала, как у меня шевелятся извилины. – Все, посчитала, 1755 год. Уж не знаю, радоваться или плакать. Одно хорошо, не в блокаду попала. Кошмар».

Тут я услышала, как Глаша что-то говорит, и почувствовала, как она смотрит на меня в зеркало.

– Что? Я задумалась, что ты говоришь?

– Все, барышня.

А я уже рассматривала себя в зеркале. Это была не я. Как бы я ни ругала корсет, но он придавал мне стати, да и в платье я шикарно выглядела.

«Да, – снова проговорила я про себя, – красotka ты, Мария, несомненно».

– Спасибо, Глаша.

– Ой, еще туфли. – Глаша взяла туфли в тон к платью, наклонилась и, приподняв обширный подол, стала надевать на ноги туфли.

Нога у меня скользнула туда свободно.

– Какая же у вас ножка маленькая. У хозяйки маленькая, а у вас еще меньше. – Глаша поднялась с колен. – Я сейчас принесу мюли, они подойдут.

Глаша с туфлями в руках проворно выбежала из комнаты.

– Какие еще мюли... – проговорила я вслух, подходя к зеркалу. Потрогала повязку, шея еще ощутимо болела.

Глаша влетела в комнату со шлепками в руках.

– Вот, – проговорила она, протягивая мне туфли без зад-

ника и на каблуках. — Они точно будут впору.

«Понятно, — подумала я, — это и есть мюли, запомнить бы».

Глаша снова бухнулась на колени, подняла мне платье и помогла надеть мюли.

— Красавица, — удовлетворенно сказала она. — Я провожу вас на обед.

Да, кстати, нижнего белья на мне не было никакого, вообще. Странные, я бы сказала, ощущения. Как-то прохладно, тут я хихикнула.

Под руку с Глашей я вошла в зал. Мою перевязанную шею Глаша закрыла, как она сказала, фишю. На самом деле это была косынка из муслина треугольной формы, прикрывавшая шею, плечи и глубокий вырез в зоне декольте.

Глаша привела меня в тот самый зал, в котором я видела ночью Екатерину Андреевну с ее племянником.

– Мария, я рада, что вы смогли принять мое приглашение на обед, – радушно приветствовала меня хозяйка, встретив у входа в зал.

Она, как всегда, выглядела великолепно. Голубое платье, украшенное кружевами, идеально подчеркивало ее стройную фигуру, глаза от цвета платья стали еще ярче.

Осторожно поворачиваясь, чтобы не потревожить шею, я стала осматривать зал.

Это был поистине великолепный образец стиля русско-го барокко XVIII века: много зеркал на стенах, стенные бра со свечами по обе стороны каждого зеркала; живописный плафон с большой хрустальной люстрой с многочисленными свечами; стены зала отделаны светлой тканью с крупным цветочным орнаментом; наборный паркет с вензелем в центре и изразцовая печь.

Будучи экскурсоводом, я повидала много дворцов и особняков. Но одно дело, когда смотришь на эту красоту в му-

зее, а другое – когда находишься во всем этом великолепии, и тут еще живут люди. Ты можешь это не только созерцать, но и пользоваться этим. Можешь сидеть на диванах, стульях, ходить по паркету, спать в постели, есть еду, которой, по сути, нет, больше двухсот лет. Осознание этого шокировало меня.

Теперь в центре зала стоял небольшой стол, накрытый белой скатертью. На столе – канделябр со свечами. Так как за окном было пасмурно, свечи в канделябре горели. Стол был сервирован фарфоровым сервизом, столовые приборы были такие же, как и у нас, в нашем времени. Только вилка не с четырьмя зубцами, а с тремя длинными. Закуски источали такой аромат, что у меня от голода закружилась голова. Изобилие меня приятно удивило.

Только некоторые блюда были хорошо знакомы: моченые яблоки, квашеная капуста, соленые огурцы, рыба нескольких видов, нарезанное холодное мясо, красная икра, которую Екатерина Андреевна ела, намазав на хлеб, поперчив и посолив. Из тех блюд, что мне еще предлагали, я запомнила лососину с чесноком, медвежатину, пироги с горохом, налимьи молоки.

К моему удивлению, было много разнообразных соусов: к рыбе, к мясу, к дичи. Многие незнакомые блюда я не рискнула попробовать.

Мне пришлось себя контролировать, чтобы с голода не наброситься на еду и не разговаривать с набитым ртом, а есть,

соблюдая приличия.

– Машенька, вы в силах написать письмо сестре, чтобы уведомить, что с вами все в порядке и вы задержитесь? – спросила меня Екатерина Андреевна, внимательно глядя на меня из-за фужера с вином в руке.

«Ну да, конечно в силах, особенно в XXI век, какие проблемы», – чуть не съязвила я.

– Да, в силах. Мне как можно скорее нужно написать и предупредить ее. Сестра тяжело переживала смерть... – Тут я замолчала, чтобы скрыть замешательство, взяла бокал и стала пить воду, лихорадочно вспоминая, кого я умертвила по своей легенде. – Переживала смерть тетушки и то, что она не смогла приехать и проститься с ней.

– Да, печально. Вот, попробуйте еще тартуфель, – сказала Екатерина Андреевна, сделав знак лакею в темно-красной бархатной ливрее, в парике и в белых печатках, прислуживавшему нам за столом. – Это очень вкусно, я недавно попробовала его у графа Шувалова, – расхваливала Екатерина Андреевна.

Лакей подал мне тарелку с тартуфелем, я взяла немного, осторожно попробовала.

«Это же картофель, а не тартуфель, – чуть не вскричала я, – как же так можно было испортить картошку».

– Да, изумительно, – покривив душой, подтвердила я, пытаясь проглотить хоть немного тартуфеля с ананасом.

«Пока я не поняла, как мне вернуться домой, нужно на-

учить их готовить картошку, – решила я про себя. – Единственное блюдо, которое я хорошо умею готовить, это картошка».

Как же сложно было себя контролировать и не выпасть из легенды. Теперь я стала лучше понимать разведчиков, живших двойной жизнью. Только мне не повезло: в отличие от них, меня забросило на двести с лишним лет назад. Как же мне вернуться домой?

Задумавшись, я не слышала, о чем мне говорила Екатерина Андреевна. Из раздумий меня вывели ее слова о метаморфозе. Включившись в разговор, стала внимательно слушать. В это время нам принесли щи с репой и грибами. Щи были изумительно ароматные и вкусные, я с удовольствием их ела.

– Государыня приглашала и меня, но я не любительница маскарадов, да и балов. Вот снова пришло приглашение на бал. Он состоится скоро, в следующем месяце, нужно обязательно идти. Мария, составьте мне компанию, пожалуйста.

– Да, с удовольствием, – машинально согласилась я, доедаая щи, даже не сообразив, что бал будет еще не скоро.

– Вот и замечательно, – обрадовалась Екатерина Андреевна.

– Екатерина Андреевна, я еще раз хочу поблагодарить вас за заботу. Мне неловко обременять вас своим присутствием, – спохватилась я. – У меня сейчас нет средств, чтобы

хоть как-то отблагодарить вас за доброту.

– Ах, оставьте, Мария. К тому же вы скрасите мое одиночество. Дмитрий, мой племянник, довольно редко навещает меня.

Несмотря на свой голод, я быстро насытилась и принесенное горячее, как прорекламировала блюдо Екатерина Андреевна, котлеты де-воляй, уже не могла есть. К котлете прилагался гарнир, каша.

От необходимости есть котлету под пристальным вниманием Екатерины Андреевны и лакея меня спас приход ее племянника.

Он вошел решительным и стремительным шагом. Высокий широкоплечий молодой мужчина с резкими чертами лица, с темно-карими, практически черными глазами, длинные волнистые волосы были собраны и перевязаны темной лентой, сливавшейся с темными волосами. Светлый кафтан выгодно подчеркивал его статную фигуру.

– Митя, какой приятный сюрприз, – искренне обрадовалась Екатерина Андреевна.

Дмитрий остановился, осмотрелся, остановил взгляд на мне. Теперь мне удалось его рассмотреть.

– Разрешите представиться, сударыня, граф Дмитрий Михайлович Строганов, – галантно поклонившись, отрекомендовался он.

«Как же мне представиться, как к нему обращаться? – растерянно думала я. – Сиятельство, превосходительство,

граф? Балда, – успела я обругать себя, – нужно было лучше историю учить».

Я хотела привстать из-за стола, чтобы познакомиться.

– Нет, нет, Мария, пожалуйста, не вставайте, – пришла мне на помощь Екатерина Андреевна. – Дмитрий, разреши тебе представить нашу гостью, графиня Мария Белозерская.

Я только кивнула, не зная, как себя вести.

«Ну вот, теперь я графиня, чудеса, да и только», – иронично подумала я.

– Митя, садись, отобедай с нами, – вставая, сказала Екатерина Андреевна.

– Благодарю, Катюша, откажусь, – сказал Дмитрий, подходя к Екатерине Андреевне, которая еле доставала до его подбородка, и целуя ее в макушку.

– Дмитрий Михайлович, благодарю вас за мое спасение.

– Оставьте, – снисходительно сказал Дмитрий. – Как вы себя чувствуете? – довольно равнодушно спросил он.

– Спасибо, замечательно, скоро смогу продолжить путешествие, – меня почему-то задело равнодушие Дмитрия.

– Нет-нет, я против этого. – Екатерина Андреевна подошла ко мне, взяла меня под руку. – Вы еще не готовы к столь длительному путешествию.

Мы с Екатериной Андреевной перешли к дивану, перед которым стоял небольшой столик, накрытый к чаю. На столе фарфоровый чайник с чашками, поднос с конфетами, чашки с медом, с вареньем, большая ваза с яблоками и небольшая

миска с клубникой.

– Мария, попробуйте конфекты. Вот еще пирог с птичьими потрохами, – радушно предлагала Екатерина Андреевна. Вот тут я чуть не подавилась, сделав глоток чая.

Дмитрий сел напротив нас в кресло. Лакей, довольно ловко и быстро убрав посуду с большого стола, покинул зал. Пока мы пили чай, Екатерина Андреевна вместо меня рассказывала мою выдуманную историю путешествия. Дмитрий только хмыкнул, услышав про то, что я не помню, кто и как меня ранил.

– Екатерина Андреевна, – чуть не вскричала я, вспомнив, что на моем кафтане была брошь. Я ее надевала только по особым случаям. Говорила всем интересующимся людям, что это бижутерия. На самом деле брошь была инкрустирована настоящими бриллиантами и изумрудом. – А на моем кафтане брошь была?

– Брошь? Костюм полностью привели в порядок, но броши на нем не было, – с сожалением проговорила Екатерина Андреевна.

– Должно быть, я ее потеряла, как жаль. – Я не сдержалась, и слезы покатились из глаз. Выдержка мне изменила или напряжение сказалось, но я никак не могла остановиться. Я вспомнила еще про убийство Павлова, про брата, который, наверное, сходит с ума в поисках меня.

Екатерина Андреевна пыталась меня успокоить, дала свой батистовый платок, когда слезы полились градом. Дмитрий

подавал мне фужер с водой и с неприязнью смотрел на меня.

Я заставила себя успокоиться, вытерла слезы. Выпив воды, поставила стакан на стол.

– Простите меня, пожалуйста, за истерику, – извинилась я, теребя платок, – эта брошь дорога мне, это семейная реликвия, ее мне подарила бабушка. – И это была правда, тут мне не пришлось ничего придумывать.

– Зачем же вы в путешествие надели такую драгоценность? – спросил Дмитрий.

«Ох, прокололась, вот черт внимательный, а я растяпа невнимательная», – обозлилась я на себя и на Дмитрия.

– Она была прикреплена с внутренней стороны кафтана, я не рискнула положить ее в сумку с вещами. Но и это ее не уберегло, – выдала я первую пришедшую в голову версию. – Я была слишком самоуверенна, отправившись в такое длительное путешествие без сопровождающих. Не думала, что столкнусь с такими трудностями.

– Митя, может, ты съездишь на то место, где нашел Марию, и посмотришь брошь там? – спросила Екатерина Андреевна.

– Хорошо, поищу, но завтра, – неохотно согласился Дмитрий.

– Дмитрий Михайлович, разрешите мне поехать с вами? – рискнула попросить я.

– Зачем? Не стоит, Мария, Дмитрий сам поищет, – попыталась отговорить меня Екатерина Андреевна.

– Вдруг мне что-то удастся вспомнить там, на месте, – привела я аргумент.

– А ведь на самом деле, вдруг получится вспомнить, – теперь поддержала меня Екатерина Андреевна.

– Уговорили, – улыбнувшись Екатерине Андреевне, сказал Дмитрий.

Напрашиваясь на поездку, я тешила себя надеждой, что на месте пойму, как мне попасть домой. У меня была уверенность, что, найдя брошь, я догадаюсь, как попасть домой.

Всю ночь я не могла заснуть, ворочаясь на мягкой кровати. И подушка была слишком мягкой, а я любила жесткую, перина была слишком пушистой, и мне не удавалось улечься спать на живот, как я любила, потому что сразу проваливалась лицом в перину, и мне нечем было дышать. Под теплым и большим одеялом мне было жарко, без него – холодно. Мне не хватало привычного шума за окном от проезжающих машин. Было непривычно тихо: не гудел холодильник, не хлопали двери соседей, под окнами не веселилась загулявшая молодежь, не было сирен скорой помощи, пожарных машин и полиции. Только дом жил своей жизнью: потрескивал паркет, шумел ветер в дымоходе.

Я решительно откинула одеяло, встала с кровати, босиком прошла по мягкому ворсу ковра, ступила на прохладный паркет и подошла к окну. За окном было темно, тучи скрыли звезды, и даже белая ночь была темной. Я прижалась лбом к стеклу и стала смотреть на улицу сквозь запотевшее от моего дыхания стекло. Я пыталась понять, как мне быть дальше, что мне делать, я переживала за родителей, за брата, да и за себя мне было страшно. Я так погрузилась в свои мысли, что очнулась только оттого, что у меня замерзли и онемели ноги, а от моего теплого дыхания на стекле остались потеки.

«Вот тебе и особняк, вот тебе и лето, а сквозняки гуля-

ют, не хватало мне еще простыть», – шмыгнув холодным, покрасневшим носом, подумала я и бросилась в кровать.

Я укуталась в теплое одеяло, теперь оно мне не мешало, да и в мягкой перине я стала быстро согреваться. Пригревшись, я незаметно для себя крепко заснула.

Мы с Дмитрием ехали в карете. Карета, запряженная двойкой, на мой взгляд, была шикарная. Кузов кареты внутри и мягкие сиденья были обшиты тканью с набитым узором. По бокам висели фонари, которые зажигали в темное время суток. Каретой управлял кучер Платон в темно-зеленом кафтане.

Дмитрий сидел напротив меня, опершись сложенными руками на трость с костяной резной рукояткой, и смотрел в окно.

На мне в этот раз было не платье, а ансамбль: пышная юбка и жакет из той же ткани, что и юбка. Для выезда мне пришлось надеть фижмы. Фижмы – две полукупольные формы из пластин китового уса, соединенные тесьмой на талии, – для каждого бедра отдельно. Глаша помогла мне надеть фижмы поверх нижней юбки и сверху юбку от ансамбля. С фижмами моя юбка стала широкой по бокам и приплюснутой спереди и сзади.

При ходьбе у меня было странное ощущение чего-то равномерно колышущегося на талии. Как колокольчик, из стороны в сторону.

Фижмы на самом деле были гибкими, как и рассказывали в музеях, я проверила это на себе, пытаясь забраться в карету. Мне пришлось с ними повозиться, чтобы понять, как

они действуют.

Туфли пришлось надеть те, что были чуть великоваты, но с ноги не падали, и это главное. На волосы, высоко собранные в прическу, Глаша длинной шпилькой прикрепила небольшую шляпку. Шея и декольте были прикрыты косыной – фишю. На руки я надела короткие перчатки в тон ансамблю.

Мы ехали по вымощенной дороге, карета шла мягко и довольно быстро. Под равномерное укачивание можно было уснуть, но, отодвинув в сторону бархатную штору с бахромой, я жадно смотрела на улицы нового для меня Санкт-Петербурга. Иногда не сразу удавалось понять, где именно мы едем, настолько улицы выглядели по-другому.

Мы проезжали какие-то торговые ряды, где толпились покупатели и продавцы, шумно торгуясь. На лужайках играли дети под присмотром нянь, по аллеям неспешно прогуливались дамы в ярких платьях с кружевными зонтиками, а вдоль дороги бегали босоногие мальчишки в льняных рубахах и штанах.

Когда мы двигались мимо разномастной толпы, стоящей на площади перед помостом, раздался громкий и мучительный крик. Он неожиданности я вздрогнула. Толпа зевак, заволовавшись, разразилась громкими криками.

– Дмитрий Михайлович, а что происходит на площади? Почему все кричат? – нарушила я молчание.

Дмитрий повернулся в мою сторону, выглянул в окно, по-

том снова откинулся назад.

– Порка розгами, скорее всего, сбежавшего крепостного порют, – равнодушно ответил он.

– Как порка? – возмущенно вырвалось у меня.

– Обычная порка, вы что, не наказывали своих крестьян? – заинтересованно посмотрел Дмитрий на меня.

– Нет, а тем более розгами. Тетушка и я считаем, что физическое наказание неприемлемо, – в запале продолжала я.

– Не думаю, что это правильно, иначе они ничего не усвоят, – решительно сказал Дмитрий, отворачиваясь от окна.

– Так нельзя издеваться над людьми, это бесчеловечно, – запальчиво вскричала я, услышав очередной нечеловеческий крик. – А потом боярыни Морозовы у вас появляются, – вырвалось у меня, и я, отвернувшись, замолчала.

– Какая боярыня Морозова? – удивленно обернувшись, спросил Дмитрий.

– Никакая, простите, я просто расстроилась, – не глядя на него, ответила я.

Дмитрий, пожав плечами, снова отвернулся.

«Боже мой, – в отчаянии подумала я, – ведь до отмены крепостного права еще больше ста лет. Елизавета Петровна славилась самым спокойным правлением, смертная казнь была отменена. Ну и на этом спасибо. Но крепостным в ее правление пришлось нелегко. Формально не имея права казнить своих крестьян, помещики нередко запарывали их до смерти».

Теперь мы ехали по набережной реки Фонтанки, под колесами кареты уже была грунтовка, поднялась пыль, и я закрыла окно шторой.

Дмитрий вышел из кареты, следом за ним, управляя юбкой с фижмами, уже быстрее, чем при посадке, стала выбираться я.

Дмитрий подал мне руку, помогая спускаться по узеньким ступенькам кареты. Его помощь была кстати. Из-за длинного платья я совершенно не видела эти ступени.

Выйдя из кареты, я осмотрелась. Мы приехали на пустырь, заросший травой и кустарником. Строительство еще не дошло до этого места на набережной.

Я растерялась. Что я хотела здесь найти? Я пыталась понять по месту, где потом построят усадьбу Державина, где будет стоять Молодежный театр и где разобьют парк при театре.

– Вот здесь, – Дмитрий прошел чуть вперед, указал тростью на дорогу, – вы и упали мне под колеса.

Я пошла по дороге вперед, дойдя до указанного места, отправилась на пустырь. Я, наклонившись, внимательно смотрела под ноги, проходя дальше от дороги вглубь пустыря. Шея у меня заболела, и я машинально схватилась рукой за перевязанное горло.

– Не думаю, что здесь можно хоть что-то найти. Может быть, вернемся, сударыня? – позвал с дороги меня Дмитрий.

– Да-да, сейчас, – громко ответила я, продолжая высмат-

ривать брошь в траве.

Дмитрий перешел дорогу, насвистывая веселую мелодию и сбивая тростью траву, двинулся к реке.

Поднимая юбку выше, я шла вперед. Трава становилась выше и гуще. Я все больше и больше отчаивалась. Раздосадованно повернув назад, я зацепилась нижней юбкой за сухой куст, раздался треск ткани.

– Еще не хватало чужие вещи испортить, – бормотала я, приподняв верхнюю юбку и пытаясь осторожно отцепить кружево нижней юбки от куста и не порвать ее, да еще растрепавшиеся волосы лезли в лицо, я то и дело заправляла прядь за ухо.

– Платон, – услышала я голос Дмитрия, – скажи Марфе, как вернемся, чтобы она на ужин приготовила мою любимую корюшку, я вечером буду с визитом.

– Будет сделано, барин, – быстро и четко ответил Платон.

– Граф недобитый, указания он раздает, – вслух продолжала злиться я, освобождая юбку.

Отламывая сухие ветки, я продолжала вызволять кружево и уколола палец. Чертыхнувшись, я стала рассматривать палец, не занозила ли его, повернувшись к солнцу.

– И долго так стоять будем? – раздался за спиной громкий голос Дмитрия, который умудрился подойти ко мне совершенно бесшумно.

– Господи, – всплеснула я руками. – Зачем же так пугать, – возмутилась я.

– Я не специально, – усмехнулся Дмитрий, продолжая разглядывать меня. – Не кажется, ли вам, милая барышня, что мы уже задержались здесь дольше нужного. Все равно ничего здесь не найдете, – сказал Дмитрий, поворачиваясь корпусом и демонстративно указывая тростью на пустырь.

– Простите, уважаемый Дмитрий Михайлович, что задерживаю вас. Больше я вас не побеспокою, – язвительно сказала я, голосом выделив слово «вас», тоже демонстративно нагнулась и стала практически отрывать кружево от куста.

– Стоять, – резко сказал Дмитрий. И когда я, оторопев от неожиданности, выпрямилась, сунул мне свою трость. – Держите. – Он подошел ко мне, нагнулся и стал быстро ломать ветки. – И зачем нужно было сюда вообще ехать? Какой смысл? Да и была ли брошь? – Ловко отцепив кружево от ветки, выпрямился он, вытирая вспотевший лоб.

«Был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?» – не к месту вспомнила я знаменитую фразу из романа Горького «Жизнь Клима Самгина».

– Благодарю вас, – чуть не сделала я поклон, но сдержала себя от такого дерзкого поступка, – а брошь была. Можете мне не верить. – И стукнула тростью о землю, только сейчас обратив внимание, что держу в руке.

– Мария Владимировна, только не убейте случайно меня. – Дмитрий забрал трость. – Ну, была, значит, была брошь, – снисходительно, как будто сделав мне одолжение, проговорил он.

– Сейчас я еще там посмотрю, и поедem, – указала я на большой камень за кустом.

– Нет уж, – уже с раздражением и нетерпением проговорил молодой человек. – Я сам посмотрю, а то вы опять запутаетесь юбкой в кустах, а мне освободить вас. – Дмитрий зашел за куст и небрежно тростью стал раздвигать высокую траву, закрывавшую камень.

– А вас никто не просил мне помогать, – с вызовом начала было я и двинулась к камню, – я сама справлюсь.

– Сама, – недовольно проворчал Дмитрий, – нет здесь ничего. – Он тростью откинул небольшой камушек и вдруг наклонился, что-то поднял и недоверчиво хмыкнул, рассматривая находку.

– Неужели что-то ценное нашли? – съязвила я, кинув на него взгляд, а потом продолжила смотреть себе под ноги.

– Н-да, думал, все вранье, ан нет, – услышала я. – Мария Владимировна, посмотрите, – он протягивал мне что-то на ладони.

Приподняв повыше юбки, чтобы в очередной раз не запутаться в кустах, я подошла к Дмитрию и посмотрела на его раскрытую ладонь.

Я увидела свою брошь в пыли, с застрявшими травинками между ее лепестками. Моей радости не было предела. Дрожащей рукой я взяла брошь, вытащила травинки, подула на нее.

– Дмитрий Михайлович, – голос мой дрогнул, я взглянула

на него, – спасибо большое, мне важно было ее найти. – Я протянула ему брошь снова. – Посмотрите, как она прекрасна.

Мы нашли брошь, значит, все будет хорошо. Как, не знаю, но будет все хорошо. Я чуть не заплакала от радости, хорошо, что плясать не умею, это и удержало от безумства.

Брошь в виде крупного цветка – трилистника, с резными лепестками, сплетенных веточек, скрепленных ажурным бантом с развевающимися лентами, в центре которого был крупный изумруд. Цветок, веточки и бант были усыпаны бриллиантами. Оправа броши из серебра.

– Да, действительно, красивая брошь, – Дмитрий удивленно рассматривал ее, – я еще не видел таких изящных вещей.

Он вернул мне брошь и дал тонкий платок с кружевами, заметив, что мои перчатки запылились.

Отряхнув перчатки и протирая брошь, я увидела, что застежка у нее сломана, одна веточка погнута и несколько лапок, державших камни, разжаты достаточно сильно, так что камни могут вылететь в любой момент. Я бережно завернула брошь в платок.

– Надо будет дома ювелира найти, – забывшись, сказала я.

– Не переживайте, Катюша поможет, – усмехнулся Дмитрий и пошел к карете.

«При чем здесь Катюша, – думала я, еле поспевая за ним, – ювелира посоветует, что ли?»

За окном стемнело, умиротворяюще шуршал дождь.

Люблю, когда идет дождь, с молнией и грозой, с ветром и без, морозящий и ливень, люблю его шум, тихий и громкий.

В комнате стало сумрачно и прохладно, Глаша принесла мне теплую шаль и зажгла свечи в канделябре.

Я сидела, укутавшись шалью поверх домашнего платья, за круглым небольшим столом. Листы бумаги, чернильницу, перо и воск с печатью принесли мне еще днем. Разложив все на столе, я с тоской смотрела на плотный чистый лист бумаги.

«Письмо на деревню дедушке, – мрачно подумала я. Эйфория от найденной броши прошла, когда опять пришлось столкнуться с необходимостью что-то выдумывать. – Так, как писать-то? Побольше завитушек, буква „и“ как пишется? Как английская – палочка с точкой или как наша „и“? А яти пишутся еще или уже нет? Да уж, вопросов больше, чем ответов».

Я встала, подошла к окну, отодвинула штору и как загнипнотизированная стала смотреть на дождь на улице.

«Хватит стоять, – очнулась я, – хочешь не хочешь, а писать надо. Боже мой, – снова вспомнила я, – адрес-то какой писать, как раньше подписывали письма? Буду импровизировать».

ровать», – невесело решила я.

Я взяла перо, макнула в чернильницу, начала писать и сразу же посадила кляксу.

Чертыхнувшись, отложила испорченный лист, взяла другой. Снова начала писать, уже меньше макая перо в чернила. Раньше я считала, что у меня практически идеальный почерк, но сейчас в этом засомневалась. Я писала как курица лапой, перо норовило выскользнуть из руки, корябало бумагу и писало то жирно, то тонко.

В итоге письмо выглядело не лучшим образом. Строчки были кривые, клякс все равно насажала, но решила больше не переписывать. И с завитушками, по-моему, переборщила. Яти писала там, где они казались мне уместными, соответственно, очень много. Букву «и» – то современную русскую, то английскую.

Я очень надеялась, что мое «творение» никто не прочтет. В письме я поприветствовала несуществующую сестру, написала, что задержусь, спросила про здоровье ее и ее мужа, написала про гостеприимство Екатерины Андреевны, на случай, если все-таки кто-то прочтет.

Отложив перо, я сложила письмо пополам, взяла сургуч, подержала его над свечой, когда он растопился, капнула сургучом на стык письма и прижала печать к сургучу.

«Половина дела сделана, – с облегчением выдохнула я, – осталось адрес правильно написать, чтобы не вызвать сомнений ни у кого».

– Так, я говорила всем про Нижний Новгород, значит, пишем Нижегородская губерния, Нижний Новгород. Спасибо маме за родословную, – бубнила я. – Графине Головиной А. В. Да, так я и рассказывала про сестру. Фух, – выдохнула я, – готово!

Адрес и фамилию я тоже писала с завитушками, только старалась не усердствовать, букву «и» на свой страх и риск писала, как русскую букву «и».

– Ну да ладно, почерк все равно не совсем разборчивый получился, – сама себя успокоила я, – может, и не обратят внимания на треклятую букву. Самое главное, чтобы вопросов не возникло здесь, в доме, а в почтовой службе пусть что хотят, то с ним и делают.

Я так устала после поисков броши и написания письма, что еле дошла до кровати и уснула, едва коснулась подушки.

Дмитрий и Екатерина Андреевна после ужина прошли в ее кабинет. В камине горел огонь, у камина стояли два глубоких кресла боком друг к другу, чтобы удобно было смотреть на огонь и разговаривать.

Екатерина Андреевна села в кресло, удобно устроилась, поправляя юбку. Потрескивали поленья, стоял небольшой гул от огня. Дмитрий подошел к камину.

– Гостя твоя так и не проснулась к ужину. – Он подбросил парочку поленьев, и огонь взвился, осветив уютный кабинет.

Просторная комната, высокие потолки с живописным плафоном, не уступающим по красоте плафону в зале, небольшая хрустальная люстра со свечами, закрепленная на цепи. Стены кабинета, диван, все кресла и стулья были отделаны тканью с сине-голубым узором. На стенах висели картины в золоченых рамах.

У стены стоял резной стол темного дерева, перед столом – стул с резными ручками и гнутыми ножками, с мягким сиденьем и спинкой. На столе лежали книги, листы бумаги, сургуч с печатью, лупа, стояли чернильница, стакан с перьями, подсвечник. На стене перед столом – икона Богородицы. У этой же стены, рядом со столом, расположился резной невысокий шкаф темного дерева. В углу кабинета занял свое

место уютный угловой диван.

В центре кабинета на квадратном ломберном столике, окруженном четырьмя стульями, красовался поднос с чашками и чайником, прозрачная чаша с желтым прозрачным медом и чаша с мармеладом.

– Мне жалко было ее будить, – ответила, сдерживая зевок, Екатерина Андреевна.

Дмитрий сел в кресло рядом.

– Ну, так что ты собираешься с ней делать? – посмотрел он на тетушку.

– Я предложила Марии пока остаться у меня, набираться сил и дожидаться ответа от сестры.

– Не опрометчиво ли? Ты совершенно ее не знаешь, – попытался протестовать Дмитрий.

– Митя, мне она нравится, образованная, из состоятельной семьи девушка. Ты же видел брошь, она уникальная. Уж поверь мне. Я еще не видела такой техники крепления камней.

– А мне она не нравится.

– Чем же? – удивилась Екатерина Андреевна.

– Странная она какая-то. Подозрительная. Ты же знаешь, Катюша, что служба при дворе меня научила остерегаться.

У Дмитрия перед глазами встала картина, как Мария возмущалась, услышав про порку, как она размахивала руками и все поправляла выбившуюся прядку из прически. Как эта прядка на солнце отливала медью. Как щеки у нее раскрас-

нелись, а зеленые глаза ярко горели, наполненные не пролившимися слезами злости.

– Митя, – позвала Екатерина Андреевна. – Митя, – засмеялась Екатерина Андреевна, – о чем задумался?

– Да так, ни о чем. Что ты говорила? – очнулся Дмитрий от воспоминаний и посмотрел на Екатерину Андреевну, поняв, что прослушал.

– Я говорила, что это ты слишком подозрителен, а не Мария. Вспомни про ее рану, не слишком ли изощренный способ попасть к нам для шпионажа?

– Да, – признал Дмитрий, – но про ранение она так ничего и не вспомнила.

Екатерина Андреевна грациозно встала, подошла к Дмитрию, потрепала его взъерошенные длинные кудри.

– Митя, оставь. – Екатерина Андреевна подошла к ломберному столику и, взяв чайник, стала наливать чай. – Чай будешь?

– Да, благодарю, с медом. – Дмитрий тоже устроился за столиком.

– Митя, чем брюзжать, составь нам компанию на балу, – подавая племяннику чашку с чаем, попросила Екатерина Андреевна.

– Вам? – удивленно посмотрел Дмитрий. – Ладно, ладно, составлю, – быстро пошел он на попятный, заметив, как начинает хмуриться Екатерина Андреевна.

– Вот и славно, – улыбнулась тетушка и села рядом.

Молодая женщина в белом парике и платье небесно-голубого цвета сидела перед туалетным столиком и внимательно рассматривала себя в зеркало.

– Шевалье, – сказала она, оборачиваясь к мужчине средних лет в светлом кафтане и в парике, сидящему на диване. – Приготовьте ключ от шифровки, скоро мне представится возможность вручить письмо и ключ императрице. Нужно, чтобы он всегда был при мне.

– Лия, вы уверены, что императрица расположена к вам и доверяет? – наклонившись к своим ногам, спросил шевалье.

Он снял одну туфлю с пряжкой, с усилием повернул каблук. В полем каблуке лежал свернутый тонкий лист бумаги.

– Да. К тому же вице-канцлер Воронцов заинтересован в нас и оказывает содействие.

Женщина подошла, взяла у него лист бумаги и спрятала у себя в корсете.

– Хорошо, но не забывайте о том, что канцлер Бестужев оказывает большое влияние на императрицу, – с натугой проговорил мужчина, поправляя надетую туфлю, постукивая каблуком по полу, чтобы тот прочнее встал на место.

Лия направилась к одному из больших зеркал, расположенных на стенах ее будуара. Невысокого роста светлая кожа

блондинка с голубыми глазами и пухлыми губами сводила с ума мужчин как во Франции, так и в России.

Светло-голубые стены будуара удачно сочетались с платьем Лии, мебель обита светлой тканью с золотистыми широкими полосками. Комната с большими окнами всегда была залита солнцем.

– Не думаю, что на нее можно влиять. Императрица – настоящая дочь Петра Великого. Но Бестужев опасен, он поддерживает интересы прибывшего английского посла, сэра Чарльза Уильямса, – женщина поправляла ожерелье на шее.

Лия провела руками, обрисовывая свой силуэт по груди и талии, развернулась на каблуках и подошла к бюро, стоящему у стены.

– Сэр Уильямс, – протяжно проговорил шевалье, – он может помешать нам выполнить поручение короля. – Мужчина встал с дивана, прошел к окну, отодвинув штору, стал смотреть на улицу, стараясь сильно не выглядывать из-за шторы.

– Я постараюсь ускорить передачу письма короля Елизавете Петровне, – проговорила Лия, усаживаясь за бюро и придвигая к себе толстую книгу «Дух законов» Монтескье.

– Хорошо, мне нужно идти, у меня встреча с фрейлиной, ее муж служит во флоте, она должна передать мне важную информацию. – Усмехаясь, шевалье пошел к выходу, по пути оглядел себя с ног до головы в зеркало на стене и остался доволен увиденным.

– Прошу вас, не увлекайтесь, скандалы с ревнивыми му-

жьями нам не нужны, – Лия покачала укоризненно головой.

Шевалье, поклонившись, вышел из комнаты.

Лия провела рукой по переплету, обтянутому телячьей кожей, ощущая ее шероховатость, нащупала и осторожно спрятала еле заметный уголок листа.

Дмитрий и Иван Иванович Шуваловы шли неспешным шагом по аллее парка. Иван Иванович был высоким, с атлетически сложенной фигурой молодым человеком. С Дмитрием они были практически одного роста, да и разница в возрасте была небольшой, всего два года. Дмитрий был старше. Но, в отличие от Дмитрия, у Ивана Ивановича были мягкие черты лица.

Вдали в парке гуляли пары, прогуливались дамы с зонтиками, на полянке шумно играли дети под присмотром нянь.

– Мы начали подготовку к созданию Академии художеств, как ты знаешь, и мне нужен твой совет, – сказал Иван Иванович, обращаясь к Дмитрию.

– Всегда можешь рассчитывать на меня, – живо ответил тот.

– Тогда приглашаю к себе. Тем более Савва Иванович уже закончил свою работу.

– Это надо отметить. Бал по случаю окончания строительства будет?

– Обязательно, но позже, еще не вся мебель готова для гостиной.

– Поехали. Но, – Дмитрий остановился, – тебе не нужно к императрице?

Иван Иванович, пройдя вперед, обернулся.

– Сегодня нет. Впервые за долгое время после высылки Шетарди государыня допустила до себя французов.

– Та самая француженка с яркой внешностью? – догнав Ивана, заинтересованно спросил Дмитрий. – Мадемуазель де Бомон теперь личная чтица императрицы?

– Да. Она приехала с дядей и смогла расположить к себе Елизавету Петровну.

– То-то я смотрю, прихвостни бестужевские выются рядом.

– Кроме них еще и Воронцов с моими братьями рядом. Вечное противостояние.

– Англичане или французы. А мне приглянулась мадемуазель, приударить, что ли, за ней? – Дмитрий широко улыбался.

– Тебе мало княгини Бельской?

– С княгиней я расстался.

– И она тебя отпустила? – удивился Иван Иванович.

Иван Иванович и Дмитрий шли по дорожке, посыпанной гранитной крошкой, к карете, стоящей на площадке перед парком.

– Я с ней попрощался, надеюсь, что проблем не будет. К тому же я принял твердое решение, что больше с молодыми вдовушками дел иметь не буду.

– Если ты надеешься на интрижку с мадемуазель, то огорчу тебя: она совершенно не обращает внимания на молодых людей.

– Я не огорчился, – рассмеялся Дмитрий, – я все равно попытаюсь.

– Попытайся, – усмехнулся Иван Иванович и добавил уже серьезно: – Сегодня мне доставили картину для моей коллекции. Это великолепная работа Андреа Челести.

– Поздравляю, это приобретение, достойное музея, – искренне обрадовался за друга Дмитрий. – На это стоит посмотреть. Поехали.

Молодые люди сели в карету.

2011 г. Санкт-Петербург.

Александр стоял у окна в пол и слушал гудки, с силой зажав телефон в руке. Пальцы второй руки нервно отбивали ритм по стеклу.

– Черт, куда ж ты подевалась, – раздраженно бросил он, услышав, что абонент недоступен. Кинул телефон на стопку бумаг на столе. Тот скользнул по бумагам и практически беззвучно упал на светлый ковролин, застилавший пол в кабинете банкира Александра Владимировича Белозерского.

Раздался звук вызова селектора, мужчина подошел к столу и нажал кнопку.

– Александр Владимирович, к вам Кирилл Уваров, – раздался громко женский голос из динамика.

– Пусть проходит. Светлана Станиславовна, будьте добры, два кофе без сахара. – Александр обогнул стол, поднял с пола телефон, положил его в карман брюк и направился к двери.

В кабинет вошел мужчина, высокий, крепкого телосложения, с аккуратной короткой стрижкой.

– Кирилл, – радостно приветствовал его Александр, идя навстречу и протягивая руку, – привет, пропащий.

– Это еще вопрос, кто пропащий, – смеясь и отвечая на рукопожатие, Уваров сграбастал друга в объятия.

Ему удалось это легко: Александр был ниже ростом и более щуплым.

– Ты совсем перестал заниматься? – освободив Александра, спросил Кирилл, осматриваясь.

Кабинет впечатлял: просторный, светлый, с большими, в пол, окнами на две стены, за большим столом – белое кожаное кресло.

– Времени совсем нет, стараюсь пару раз в неделю выбираться в спортзал, но это совсем не та нагрузка, к которой мы привыкли в армии. Ты не ответил, где был?

– Все там же.

– Как? Ты еще в тот раз сказал, что это твоя последняя поездка.

– Эта была последняя. Теперь точно.

– Я рад, – указывая Кириллу на круглый стол со стульями у окна, Александр прошел к столу. – Чем думаешь заниматься?

– Пока не знаю, решил отдохнуть, а потом уже буду думать. – Кирилл сел на предложенное место.

Постучавшись, в кабинет вошла средних лет невысокая женщина с подносом, на котором стояли две чашки с кофе и вазочка с сухофруктами.

– Ты так же пьешь кофе без сахара? – хозяин кабинета был внимателен.

– Да, именно.

Женщина поставила перед ними чашки, в центр стола ва-

зочку с сухофруктами.

– Спасибо, Светлана Станиславовна, – беря чашку, сказал Александр, – на сегодня вы свободны.

– До свидания, Александр Владимирович. – Она вышла с подносом из кабинета.

– Сань, у тебя, как всегда и везде, идеальный порядок, – улыбаясь и показывая рукой на ровные ряды папок синего цвета, сказал Кирилл.

Александр, сделав глоток, поставил чашку на стол и остановившимся взглядом уставился на свои сложенные на столе руки.

– Сань, что случилось? – Кирилл отодвинул свою чашку от себя, приготовившись к разговору.

– Машка пропала. – Александр поднял голову и посмотрел прямо на Кирилла.

– Твоя сестра? – удивился Кирилл. – Давай вводные.

Александр встал из-за стола, подошел к столу, из верхнего ящика достал тонкую синюю папку. Открыл ее, посмотрел на фотографию Марии, тяжело вздохнул, подойдя к Кириллу, отдал папку ему.

– Здесь все данные о ней. И фотография в том самом мужском костюме XVIII века, в котором она была, когда ее видели последний раз.

– Красивая, – сказал Кирилл, рассматривая фотографию Марии. – Что уже удалось узнать?

Александр, нервно расхаживая по кабинету, начал гово-

ритель:

– В том-то и дело, что ничего, просто исчезла, и все. Как будто ее и не было вовсе. Я пока не поднимаю тревогу, есть подозрение, что конкуренты подсустились, но требования о выкупе или о сделках не поступало.

– Что твоя служба безопасности? Почему так мало узнали?

– Начальника я недавно уволил, оказался нечистоплотным. Повезло, что вовремя узнал. Вот еще и поэтому я тебя искал. Хочу предложить тебе это место.

– Заманчивое предложение. Может, об этом потом поговорим, сначала разыщем твою сестру?

– Придется совмещать, не могу оставить банк без начальника службы безопасности.

– Договорились. Если честно, уже закис без работы. Ладно, дальше, что говорят коллеги Маши? – пролистывая бумаги в папке, спросил Кирилл.

– Тоже ничего, была в зале, потом вышла, и все, пропала как раз во время салюта, который им устроили. Ее машина так и стояла на парковке, пока я не перегнал ее к себе. Дома у нее все на месте, ничего не пропало.

– Почему ты думаешь, что это могут быть конкуренты?

– У меня намечается крупная сделка по поглощению одного мелкого, но вполне перспективного банка. Многие хотели бы его прибрать к рукам. Сделка держится в тайне, и мне, и владельцу того банка это выгодно. Но кто знает. Еще

и поэтому мне нужно, чтобы ты сразу приступил к работе.

– Хорошо, я его проверю еще. Этих данных, что ты на него дал, – Кирилл потряс папкой, – мне мало. И расскажи о Маше, о ее характере.

– Машка еще та заноза. С тех пор, как родители уехали по работе в Калифорнию, она была на мне. Какой из нее физик, я не знаю, не разбираюсь, но она пишет диссертацию, да и работает в НИИ физики. Но она далеко не ботаник, настоящая пацанка. Любит экстремальные виды спорта, отлично стреляет из пневматики, – сев за стол, начал рассказывать Александр. Он растерянно водил ладонью по прохладной гладкой столешнице.

– Есть в кого, – перебивая, сказал Кирилл.

– Да ладно, она еще ходит в походы на зимний Байкал, поднимается на Эльбрус и с парашютом прыгает.

– Отличная девчонка, уважаю, – Кирилл уже улыбался.

– Может быть, но у меня от ее выходов только головная боль.

– А ей лично мог кто-нибудь угрожать? Парень или бывший парень?

– Про парня точно могу сказать, что она ни с кем не встречалась, по крайней мере, в последнее время. Был якобы жених, но он давно уехал за границу и там женился. Наука, экстрим и адреналин – вот что ее интересует. Друзей у нее всегда было много. Но ее категоричность, прямолинейность и резкость не всем нравились. Пару раз приходилось ее вы-

таскивать из каталажки, правда, это было еще в ту пору, когда она училась в универе.

– И ты хочешь сказать, что она совсем на тебя не похожа?

– Своим безрассудством и азартом нет, – устало откинувшись на спинку стула Александр, – но что-то есть. А ведь я еще родителям ничего не говорил, – печально улыбнулся он.

– И не надо. Поехали к ней домой, мне нужно самому все осмотреть. – Кирилл встал. – И уже там будем решать, как дальше действовать.

Константин, засунув руки в карманы джинсов, стоял в толпе зевая у Измайловского моста на набережной Фонтанки. Место было огорожено лентой, вокруг было много полицейских. В толпе шли разговоры о том, что нашли какого-то мужика, то ли убитого, то ли утопшего.

– Пьяный, небось, – раздался дребезжащий женский голос в толпе.

– Ничего и не пьяный, – уверенно сказала девушка в очках, поворачиваясь к толпе. – Я сама слышала, как они, – девушка махнула рукой в сторону полицейских, – отчитывались своему начальству. У него нашли документы.

– Может, шишка какая, – предположила полная женщина в шляпе, вытирая пот с лица большим цветастым платком. Она протиснулась сквозь толпу поближе к девушке в очках, толкнула ее в плечо:

– Слышь, не знаешь? Может, шишка?

– Знаю. – Девушка дернула плечом и отодвинулась от женщины. – Сказали, физик какой-то известный, вон, видите, начальство приехало, – показала она на подъехавший черный «мерседес» с тонированными стеклами.

Константин пробрался сквозь толпу и, не оборачиваясь, пошел в сторону Измайловского проспекта.

1755 г. Санкт-Петербург.

– Вот видите, Мария, и погода благоприятствует нам, – взглянув на меня из-под белого кружевного зонта, улыбаясь, сказала Екатерина Андреевна.

– Да, спасибо, что настояли на том, чтобы я вас сопровождала, – откликнулась я.

Свой зонт я пока не раскрывала, наслаждаясь солнечными лучами. Повязку с шеи я сняла перед поездкой. Рана уже практически не болела, только остался розовый след от практически зажившей продолговатой ссадины. Почти месяц прошел с тех пор, как я попала в дом Екатерины Андреевны.

Мы прогуливались неспешным шагом по центральной аллее парка, по обеим сторонам которой росли высокие деревья, отбрасывающие тень на дорожку. Было солнечно, но не жарко. Тихо шумела листва, оглушающе громко пели птицы, ароматно пахло какими-то цветами. Под ногами тихо хрустела гранитная крошка, которой была посыпана аллея.

– Как же здесь красиво, – вырвалось у меня.

– Да, очень. Я люблю этот парк, часто сюда приезжаю на прогулку.

Екатерина Андреевна время от времени здоровалась с встречными дамами. Я, следуя ее примеру, кивала головой

и делала небольшой поклон.

Я с удовольствием гуляла, рассматривая парк, стараясь как можно лучше запомнить все.

«Надо, наверное, дневник начать вести, чтобы все подробно описывать. Точно, так и сделаю», – решила я.

Я все-таки надеялась вернуться к себе домой, и хотелось бы как можно больше рассказать о том, как все здесь устроено.

«А не поступить ли мне на исторический факультет, – мелькнула у меня еще одна шальная мысль, – я уже столько узнала, а сколько еще могу узнать. Хотя нет, мне и этого будет в избытке. Успеть бы до правления Екатерины II убраться отсюда», – подумала я и осмотрелась.

А тем временем мы проходили мимо беседки, увитой зеленью.

– Принес черт ее на нашу голову, – тихо проговорила Екатерина Андреевна, увидев даму в беседке. – Добрый день, Мавра Егоровна, – громко приветствовала она даму, – рада видеть вас.

Повернувшись к беседке, из-за солнца я не смогла рассмотреть эту даму, только кивнула и сделала реверанс. Мне пришлось раскрыть свой зонт.

– Здравствуйте, милочка, – громко приветствовала дама. – Как ваши дела? С кем вы прогуливаетесь?

– Мария, не задавайте вопросов, просто идите вперед, я вас догоню, мне необходимо поговорить с графиней Шува-

ловой, — тихо проговорила Екатерина Андреевна и пошла к беседке.

Не оборачиваясь, я поспешила по аллее вперед, до меня доносился только громкий голос Мавры Егоровны. Свернув с аллеи и пройдя мимо шпалер из акаций, я вышла к большому пруду, окруженному каменной стеной, в пруду плавали гуси, утки и еще какие-то незнакомые мне птицы.

Встав лицом к воде, я смотрела, как утки крикают, бегают по воде, взлетая и разбрызгивая воду, перелетают с места на место, некоторые из них ныряют и торчат из воды, как поплавки, как гуси горделиво плавают и временами громко хлопают крыльями. Гуси в пруду отличались от обычных. У этих гусей сероватая окраска тела, голова и бока шеи белые, клюв и высокие ноги желтые, на темени и затылке по две черные полосы.

«Как же обидно, что не все удалось сохранить до настоящего времени. Ведь пропало, разрушилось во многом из-за нашей недалековидности, халатности, не считая войны, — размышляла я, наблюдая за птицами. — А ведь я все сейчас сравниваю. Интересно получается: сравниваю настоящее и будущее или прошлое и настоящее? Я так запутаюсь окончательно».

В раздумьях я пошла дальше, свернув на боковую аллею. «А ведь я раньше сама все это не ценила, — сделала я неожиданно неприятное для себя открытие. — Да уж, а осуждать других собралась. Надо все обдумать, а пока, чтобы

не путаться, – решила я, – настоящее – это сейчас, а будущее – это XXI век».

Впереди была зеленая галерея берсо. Я собиралась пройти по ней, посидеть там на скамейке.

Закрывая зонт у входа, я шагнула в галерею и столкнулась с девушкой невысокого роста в светлом парике, выходящей из берсо. От столкновения она уронила большую книгу, которую держала в руках.

– Excusez-moi, – воскликнула девушка. – Vous allez bien¹? – обеспокоенно спросила она, поднимая книгу. Она не смотрела на меня, больше ее занимала книга.

– Oui, merci², – автоматически ответила я по-французски.

– Bonne chance³, – пожелала она, выходя из галереи и прижимая к себе книгу.

– Au revoir⁴, – ответила я уже ей вслед. – Ну, ничего себе, – вслух начала я, – так и зайкой можно остаться. Зато французский попрактиковала.

Я медленно шла по проходу.

– Мария, вот вы где, – громко окликнула меня Екатерина Андреевна, стоя у входа в галерею, – я вас потеряла.

– Господи, – подпрыгнула я и обернулась.

– Простите, что напугала, – чуть виновато проговорила

¹ Извините, вы в порядке? (фр.)

² Да, благодарю (фр.).

³ Всего доброго (фр.).

⁴ До свидания (фр.).

Екатерина Андреевна.

– Ничего, это я что-то больно пугливая стала. – Я пошла к ней навстречу.

– Машенька, нам пора домой, скоро обед. Марфа ругаться будет, если опоздаем. Она у нас такая, – улыбнулась Екатерина Андреевна.

– Да, она строгая, я заметила, – улыбнулась я в ответ.

– Машенька, должна вас предупредить, что я говорю всем, что вы моя родственница, – серьезно проговорила Екатерина Андреевна.

– Почему?

– Та самая дама, с которой я разговаривала, очень неприятная особа, – быстро обернувшись, тихо проговорила она. – Я не люблю сплетничать, так же, как и не люблю сплетниц, но Мавра Егоровна интересовалась вами.

– Но я же ничего не сделала, я же не преступница, – испугалась я.

– Конечно, но лучше не привлекать к себе лишнего внимания. Мавра Егоровна – подруга императрицы, влиятельная персона. Хочу предупредить, что она может казаться очень приятной, остроумной дамой, скрывая до поры до времени надменность, грубость, чванливость и мстительность.

«Вот еще мне неприятностей с Маврой не хватало, так и до дыбы или каторги недалеко. Тем более, как мне помнится, брат ее мужа возглавляет Тайную канцелярию», – растерянно подумала я.

– Машенька, простите, я не хотела вас напугать, – сказала Екатерина Андреевна, беря меня под руку, – все, не будем об этом. Я зря сама раньше времени встревожилась.

Мы шли по аллее к выходу из парка, выбрав другую дорогу, чтобы не проходить мимо беседки с Шуваловой.

Елизавета Петровна в домашнем светлом платье с крупным рисунком, плечи закрывал платок – фишю, сидела в глубоком кресле перед туалетным столиком с зеркалом. Фрейлина в светло-сиреновом платье расчесывала длинные волосы Елизаветы Петровны. Мадемуазель Лия де Бомон в голубом платье за небольшим столиком у окна читала большую книгу.

– Осторожно, – Елизавета Петровна стукнула фрейлину по руке, – все волосы повыдергиваешь.

– Простите, ваше величество, – испуганно проговорила фрейлина, откладывая расческу. Затем взяла с туалетного столика белую кружевную наколку и скрепила ею волосы на затылке Елизаветы Петровны, оставив большую часть волос распущенными.

Дверь в комнату открылась, вошла дама с подносом, на котором стояли фарфоровая чашка и чайник.

– Елизавета Петровна, ваш чай.

– Все, достаточно, – сказала Елизавета Петровна, отводя руку фрейлины с расческой от своей головы. Императрица тяжело встала с кресла и с недовольством отвергла помощь.

Фрейлина отошла в сторону.

– Ставь поднос, чего стоишь? Идите, ты и ты, – указывая пальцем на фрейлин в светло-сиреновом и пудрово-розовом

платьях, — давайте, давайте, — поторопила она их.

Фрейлины поспешили выполнить приказ и скрылись за дверь. Лия де Бомон закрыла книгу и смотрела на императрицу.

Елизавета Петровна открыла шкатулку, стоящую на туалетном столике, достала перстень, посмотрела на него, вытянув руку, и надела на мизинец правой руки. Средний и безымянный пальцы уже украшали крупные перстни.

Государыня подошла к большому столу в центре комнаты. На столе стоял канделябр с зажженными свечами, поднос с графином с водой и бокал, на углу стола покоилась деревянная резная шкатулка.

— Иди сюда, красавица, — позвала она Лию де Бомон.

Лия быстро встала и легким шагом подошла к Елизавете Петровне.

Дверь, ведущая в коридор для прислуги, приоткрылась. К еле заметной щели прильнул лакей в темно-красном кафтане, внимательно прислушиваясь к происходящему в комнате, его парик съехал набок. Он время от времени оглядывался по сторонам, чтобы не попасться никому на глаза.

— Слушаю, Елизавета Петровна.

— Слушай, — открыв шкатулку на столе, сказала Елизавета Петровна. — Что-то сквозит откуда-то. — Она поежилась, поправляя платок на шее.

Лия оглянулась. Лакей за дверью отшатнулся, вытирая выступивший на лбу пот и поправляя парик.

– Дверь и окна закрыты, – сказала Лия.

Лакей вновь прильнул к двери.

Елизавета Петровна достала из шкатулки письмо, подержала его в руке, посмотрела на Лию и протянула письмо ей.

– Вот мой ответ Людовику.

– Благодарю вас, ваше величество, за доверие.

– Ты хорошо мне послужила. В скором времени вы с ше-валье получите разрешение на выезд во Францию.

– Благодарю, ваше величество, – Лия сделала реверанс.

– Иди садись, скоро считаешь мне, – дала указание Елизавета Петровна. – Где вы? – громко крикнула она в сторону двери. – Я вызывала ювелира, долго мне еще ждать вас и его?

Лия вернулась к столику у окна. Сев за стол, она открыла книгу и положила письмо Елизаветы Петровны между страниц.

Дверь в комнату открылась, вбежали фрейлины.

– Ваше величество, ме-сье Позье ждет, – сказала фрейлина.

– Ну так зови, – приказала государыня. – Не дожде-шься вас, – ворчала она.

Дверь, за которой подслушивал лакей, тихо закрылась.

В комнату вошел мужчина средних лет в белом парике, в темно-синем бархатном кафтане и светлом расшитом камзоле.

Я растерянно стояла у себя в комнате перед кроватью, на которой лежали платья. Целая гора платьев, фижм и чулок. На полу у дивана целая шеренга туфель разных цветов и фасонов.

– Машенька, отомрите, – рассмеялась Екатерина Андреевна, видя мое замешательство.

– Как же выбирать среди такого великолепия, – развела я руками.

– Очень просто, начнем с тех, что вам понравились, – Екатерина Андреевна была решительна. Она подошла к комоду, на котором стоял колокольчик, взяла его и позвонила. Не успела она отойти от комода, как в комнату вбежала Глаша.

– Слушаю, барыня.

– Глаша, помоги примерить наряды Марии. Машенька, с какого начнем?

Мне сразу понравилось одно платье мятного цвета с неярким растительным орнаментом, с золотой нитью.

– Вот с этого, – указала я на него.

Платье оказалось распашным. На фижмы поверх нижней юбки Глаша накинула еще одну юбку из такой же ткани, что и верхнее платье, только оттенком светлее. Сверху на меня надели уже распашное платье с разрезом на юбке впереди.

Сквозь этот разрез и виднелась нижняя более светлая юбка. В область лифа вставили специальную V-образную подкладку-стомак, украшенную шикарнейшей вышивкой с золотыми нитями и жемчугом. Рукава у платья были средней длины и украшены кружевом.

Наконец-то я смогла присесть, Глаша помогла мне натянуть шелковые чулки в тон платью, которые приятно охлаждали кожу.

Екатерина Андреевна внимательно наблюдала за примеркой, отдавая распоряжения, что и где подтянуть, куда заправить. Она же и посоветовала туфли под платье.

– Машенька, примерьте вот эти туфли, они с завязками, поэтому вам должно быть в них удобно. Да и под платье они изумительно подходят.

Туфли из дамаста темно-мятного цвета с набитым рисунком, с хлястиками, в которые были вставлены шелковые ленты-завязки, были с острым носом и на широком устойчивом каблуке, чему я очень обрадовалась.

И что интересно, они были одинаковые, без различия на правую и левую.

«Как я не заметила этого раньше», – думала я, рассматривая ноги в туфлях.

– Какие же они мягкие, – я встала уверенно на обе ноги.
– Удобно? – улыбаясь, спросила Екатерина Андреевна.
– Да, очень. Даже не помню, когда носила такую мягкую обувь, – не соврала я, на ум пришли только чешки в детском

саду.

Я подошла к зеркалу, расположенному на стене. Зеркало было во весь рост, и я смогла рассмотреть себя. Я не узнала себя. Из зеркала на меня смотрела незнакомая девушка XVIII века. Я ощущала себя совершенно по-другому, я стала женственной, появилась мягкость, стать.

«Вот я и повзрослела, – ошарашенно подумала я, – я никогда не выглядела такой женственной и милой».

В зеркале я увидела отражение Екатерины Андреевны, мы встретились глазами, и она ободряюще кивнула мне.

– Машенька, еще какое-нибудь платье примерите? – спросила Екатерина Андреевна.

– Нет-нет, это платье идеальное, – отказалась я.

– Еще нужно не забыть про парик, – сказала Екатерина Андреевна. – Жалко, конечно, прятать эту красоту, – потрогала она мои волосы.

– А парик обязателен? – решила спросить я.

– Да, все будут в париках. Глаша, иди, я тебя позову, когда нужно будет Марию раздеть, – распорядилась Екатерина Андреевна.

– Слушаюсь, барыня. – Глаша вышла из комнаты, прикрыв дверь.

– Екатерина Андреевна, а вы выбрали себе платье? – все еще стоя перед зеркалом, спросила я.

– Да, выбрала, мне как раз днями доставили платье от портного темно-бирюзового цвета. Чуть не забыла, завтра

нужно будет подобрать украшения. И еще одно, – Екатерина Андреевна стала поправлять складки на платье, – я же сказала, что вы моя родственница, а родственницам не пристало звать друг друга по имени-отчеству, тем более практически ровесницам.

Я повернулась к Екатерине Андреевне.

– Буду только рада, – сказала я.

– Вот и замечательно, – приобняла меня она.

– Екатерина, не устану тебя благодарить за заботу. Давно мне не было так легко и радостно.

– И мне. Надеюсь, завтра мы произведем ошеломляющее впечатление на племянника. Нам повезло, что он согласился нас сопровождать.

– Он не любит балы, как и ты? – спросила я, осторожно садясь на стул.

– На обычные балы Дмитрий ходит, а вот на балы-метаморфозы нет. Он как-то собирался на него, а как увидел себя в зеркало, чуть не порвал от злости платье, – захохотала Екатерина Андреевна. – Теперь всеми правдами и неправдами, насколько это позволяет служба, уклоняется от метаморфоз.

– Дмитрий в платье, хотела бы я это увидеть, – засмеялась я вместе с Екатериной Андреевной.

Напряжение, сковывавшее меня с того времени, как я попала сюда, немного отпускало.

– Пожалуйста, не говори ему, что я тебе рассказала, – вынув из рукава платья кружевной платок, вытирала глаза

от слез Екатерина Андреевна.

– Я постараюсь не проговориться, – посмеиваясь, пообещала я.

– Ох, насмеялась. Сейчас я Глашу пришлю, скоро ужин. Как переоденешься, приходи, – сказала Екатерина Андреевна и вышла из комнаты.

– Глаша, иди помоги Марии, – услышала я ее голос за дверью.

– Иду, барыня, – прокричала Глаша в ответ.

Я встала и опять подошла к зеркалу, жалея, что нет фотоаппарата или телефона, чтобы сфотографироваться. Как же я себе нравилась!

Дмитрий в расшитом золотом кафтане прохаживался перед каретой, ожидая тетю и ее гостью. Он по обыкновению насвистывал веселую мелодию и время от времени поправлял на голове расшитую так же, как и кафтан, треуголку. Кучер Платон был в парадном темно-синем кафтане.

Из дома вышла Глаша и широко открыла дверь.

Дмитрий, перестав насвистывать, поспешил к лестнице широкого крыльца, чтобы помочь спуститься дамам. Первой вышла Екатерина Андреевна в темно-бирюзовом распашном платье с вышивкой, с кружевами на рукавах. В руках у нее был веер. В волосах светлого парика сверкали жемчужины, на груди – жемчужное кольцо, на пальцах, поверх перчаток, блестели перстни.

– Ты великолепна, тетушка, – поднимаясь по ступеням, с широкой улыбкой встретил ее Дмитрий. – Давно ты не выезжала в свет. Я рад, что ты едешь со мной сегодня на бал, – сказал он, подавая руку Екатерине Андреевне.

– Спасибо, Митя. Я сама от себя не ожидала, что мне доставят удовольствие сборы на бал.

Дмитрий помог Екатерине Андреевне спуститься по лестнице и пошел снова к крыльцу, чтобы встретить Марию.

Мария вышла в том самом платье, которое она примеряла. Только теперь она была в светлом парике, в котором сверка-

ли камни на булавах для волос, сделанных в виде цветков, на шее была бархотка с кулоном-капелькой. Понять, что Мария очень волновалась, можно было, только посмотрев на то, с какой силой она сжимала веер в руках.

Дмитрий, увидев Марию, замер, не успев подняться на крыльцо.

– Добрый вечер, Дмитрий Михайлович, – сделав реверанс и улыбнувшись, приветствовала его Мария.

– Дмитрий, мы опоздаем, – сказала Екатерина Андреевна. Строганов вздрогнул и стал подниматься по лестнице. Екатерина Андреевна любовалась племянником.

– Добрый вечер, Мария, – сказал он, подходя к ней и подавая руку, – рад видеть вас в добром здравии. Вы прекрасны, – он наклонился, чтобы поцеловать ей руку.

– Спасибо, – пробормотала Мария.

Дмитрий помог спуститься по лестнице. У Марии немного дрожала рука. Дмитрий почувствовал дрожь и ободряюще пожал ей руку, помогая сесть даме в карету.

Пока мы ехали, я старалась привести свои мысли в порядок. Этот вечер сулил встречи со многими историческими личностями. Возможно, я увижу и саму Елизавету Петровну. От волнения у меня снова задрожали руки, дыхание сбилось.

«Что за проклятая особенность организма, – злилась я, – и что обиднее всего, я никак не могу на это повлиять. Раз, два, три», – заставила я себя дышать по счету. Постепенно я стала успокаиваться.

– Дмитрий, будет ли Елизавета Петровна, Иван не говорил? – прервала молчание Екатерина Андреевна.

– Обещалась. Это первый большой бал после ремонта Петергофа. – Строганов сидел в карете напротив нас.

– Я слышала, что Растрелли превзошел самого себя, – повернувшись ко мне, сказала Екатерина Андреевна. – Машенька, тебе не приходилось бывать в Петергофе ранее?

– Нет. Но я много слышала о нем, – ответила я.

«Вот оно, я увижу этот великолепный дворец таким, каким он был при Елизавете Петровне», – чуть не закричала от восторга я.

То, что я могу видеть все исторические шедевры, мирило меня с пребыванием здесь, в этом времени.

Еще на подъезде к дворцу я увидела кареты у парадного входа западного флигеля, из которых выходили дамы и ка-

валеры в блистательных нарядах.

Мы вошли в танцевальный зал.

«Как же мне повезло увидеть все подлинное», – продолжала восторгаться я, не успевая вертеть головой, осматриваясь и стараясь запомнить все детали, по обыкновению сравнивая с будущим. Я сама себе напоминала восторженную девочку из фильмов-сказок, впервые попавшую во дворец.

Было уже достаточно много народа, костюмы и украшения поражали своей роскошью. Громко играл оркестр.

Особенность танцевального зала – фальшивые зеркальные окна-обманки, занимавшие основное пространство глухих западной и северной стен. На противоположных им стенах окна были настоящие, большие, в два яруса. Вечерний свет, льющийся из двух рядов окон, отражался в зеркалах и наборном паркете. Кроме того, в зеркалах отражался свет от сотен горящих свечей в позолоченных стенных жирандолях и бра. Простенки между окнами, как настоящими, так и фальшивыми, занимали огромные зеркала в резных позолоченных рамах. Изобилие зеркал создавало эффект многократно умноженного пространства.

В простенках между окнами, над зеркалами, были расположены круглые по форме картины – тондо. Падуги, создающие плавный переход от стен к потолку, были украшены живописными медальонами и лепными кронштейнами. Пла-

фон, созданный специально для зала, занимал весь свод, он и в будущем сохранит изначальный замысел Растрелли. Кроме этого, пространство зала украшала причудливая позолоченная резьба.

Я много раз бывала в этом зале, и меня всегда поражало изобилие золота в отделке. По преданию, строившая его Елизавета Петровна распорядилась не жалеть для этого зала золотых украшений, потому что он служил для приема купцов, которые были очень равнодушны к золоту. Сейчас же я ловила себя на мысли, что хочу подойти и потрогать все руками. Все вокруг сверкало и блестело так, что с непривычки у меня уже рябило в глазах от обилия золота и драгоценностей.

«Да уж, как изменчива мода, и не только на платья и украшения, но и на фигуры, – подумала я, встретив несколько известных мне по дошедшим до нашего времени портретам персон. – Какие же здесь все толстощекие, тучные, за редким исключением», – я посмотрела на Екатерину Андреевну и Дмитрия.

«Ну-ну, – продолжала анализировать я, – художники так же льстят своим заказчикам, как и фотографы в будущем. Но буду честной, у них нет культа стройности. Вот оно, веяние моды XVIII века».

Народ все прибывал, в центре зала начались танцы. Екатерина Андреевна и Дмитрий прошли дальше, по пути, надолго не останавливаясь, с кем-то здоровались, представляли

меня. Было очень шумно: звучала музыка, раздавался громкий смех, разговоры, кто-то спорил. Наблюдения настолько меня увлекли, что я не заметила, что кто-то к нам подошел.

– Добрый вечер, милая Екатерина Андреевна, – услышала я мужской голос, – как я рад вас видеть.

Я обернулась. Это был молодой человек практически одного возраста и роста с Дмитрием. Я пыталась понять, кто бы это мог быть.

– Добрый вечер, Иван Иванович, и я рада вас видеть, – протягивая руку, улыбаясь, сказала Екатерина Андреевна.

Иван Иванович взял руку Екатерины Андреевны, наклонился и поцеловал ее.

– Мария, позвольте вам представить – Иван Иванович Шувалов, графиня Мария Белозерская, – представил нас друг другу Строганов.

Я все время боялась попасть впросак с придворным этикетом, как делать реверанс, кому подавать руку для поцелуя, кому нет.

– Позвольте засвидетельствовать вам свое восхищение, – проговорил Иван, делая шаг ко мне.

– Благодарю, Иван Иванович.

Я решила, что нужно протянуть руку, что и сделала. Иван Иванович взял мою руку, наклонился и поцеловал ее.

«Если судить по портретам, то Иван Шувалов должен быть довольно-таки упитанным, даже на ростовых портретах он казался рыхловатым, – рассуждала я, – а на самом деле он

вполне подтянутый молодой человек, просто черты его лица мягкие, округлые. И руки у него теплые и нежные».

– Иван Иванович, голубчик, когда же вы приедете к нам с визитом?

– Обещаю в скором времени, вместе с Дмитрием приедем, – ответил Иван Иванович.

– Милые дамы, простите нас, вынуждены вас ненадолго оставить, – сказал Дмитрий и, взяв под руку Ивана Шувалова, стал уходить от нас.

– Простите, еще увидимся, – успел проговорить Иван Иванович, и Дмитрий увел его в сторону.

– Жаль, Дмитрий не дал нам поговорить. Иван Иванович очень интересный собеседник. Я хотела его расспросить про университет. Мария, – вдруг прикрывшись веером, проговорила Екатерина Андреевна, – вон там, у окна, рядом с дамой в розовом, стоит Мавра Егоровна. Мы с тобой встречали ее в парке. Постарайся не попадаться ей на глаза.

– Я постараюсь, – пообещала я.

Теперь я смогла ее рассмотреть.

«А ведь здесь не наврали, – вспомнив описания внешности Мавры из энциклопедий и книг, пришла я к выводу: и правда неприятная особа. Немолодая, дебелая, невысокого роста, глаза с короткими белесыми ресницами. Есть же такие отталкивающие лица», – подумала я.

– Смотри, вон там, мимо парочки в синем, проходит Бестужев, канцлер, – наклонившись в мою сторону, обратила

мое внимание Екатерина Андреевна.

– Алексей Петрович? В бордовом камзоле? – уточнила я.

– Да, это он, – подтвердила Ростовцева.

«Угу, тебя-то, голубчик, я и буду опасаться вместе с Маврой, – решила я, – лучше не связываться».

У входа в Чесменский зал я заметила Дмитрия, разговаривающего с яркой, красивой дамой, высокой, чернобровой, в изумрудном платье.

– Катя, а кто та красивая дама, с которой Дмитрий Михайлович разговаривает? – решила спросить я.

– Где? – осматриваясь, спросила Екатерина Андреевна.

– Вон, у входа в Чесменский зал, – уточнила я.

– Где? – не поняла Екатерина Андреевна.

«Елки-палки, какой Чесменский зал, откуда я могу знать, как он называется, он так раньше и не назывался», – ругалась я на себя и про себя.

– У выхода в другой зал дама в изумрудном платье, ее трудно не заметить, – постаралась я исправить свою оплошность.

Екатерина Андреевна посмотрела, на мгновение ее лицо изменилось, но ко мне она обернулась уже с улыбкой.

– Это вдова – княгиня Ольга Бельская. Давняя знакомая Дмитрия, – развернувшись к ним спиной, ответила Ростовцева, не желая продолжать разговор.

Я же, наоборот, продолжала за ними наблюдать.

«Как же, знакомая, – иронизировала я, – смотри-ка, как

она прижимается к нему. А в руку как вцепилась, да он и не против, улыбается, как Чеширский Кот. А фигура у нее классная, все на месте, не то что у некоторых», – констатировала я и отвернулась.

Стало душно от множества горевших свечей и от большого количества народа.

«Вот и пригодился веер», – вспомнила я. В детстве у меня был веер, пластиковый, якобы кружевной, который не вынес моего варварского обращения. Он был легкий, и не составляло труда пальцами одной руки развернуть и свернуть его. Мой нынешний веер был шелковым, на изнанке у него опорные планки, он чуть тяжелее моего детского веера, но принцип раскрывания и закрывания идентичный. Только мне пришлось следить, разворачивая веер одним движением руки, чтобы он открылся лицевой стороной к присутствующим, а не изнанкой. Я немного поразвлеклась с ним, совершенствуя навыки владения. С веером мне стало гораздо комфортнее.

Пару раз ко мне подходил кавалер в возрасте с красным лицом то ли от жары, то ли от выпивки, от него попахивало водкой. Я отказывалась.

– Мария, иди потанцуй, нечего просто стоять, – уговаривала меня Екатерина Андреевна.

– Не хочу пока, спасибо. Я осмотрюсь, когда еще придется здесь побывать, – отказалась я.

«Уметь бы еще так танцевать, может, и потанцевала бы, –

думала я про себя, – как бы уйти из этого зала, чтобы не заставили танцевать».

– О, Варвара Дмитриевна, – помахала веером Екатерина Андреевна, привлекая внимание дамы в возрасте, – не видит. Машенька, извини, мне нужно с ней поговорить, я скоро вернусь.

– Да, конечно, не волнуйся обо мне, – сказала я.

– Сходи перекуси, выпей чего-нибудь или мороженое попробуй, вот там, – указала она мне на Чесменский зал. – Я скоро, – и, повернувшись, пошла к знакомой, огибая танцующих.

«Отличный повод сбежать», – обрадовалась я и двинулась к выходу из зала.

Пару раз я наступила кому-то на ногу, а потом мне кто-то наступил, пока я пробиралась в Чесменский зал.

«Ого, здесь еще больше народа, – удивилась я, зайдя в бывший аванзал, – и также шумно».

Стены аванзала сейчас покрывали деревянные щиты, декорированные золоченой резьбой, в том же стиле были сделаны многочисленные бра. Помимо бра, в углах зала стояли напольные канделябры-торшеры. На улице стемнело, и во всех канделябрах, торшерах и бра горели десятки свечей.

Потолок вокруг центральной части плафона и падуго занимала орнаментальная живопись. В простенках между окнами на северной стене были зеркала в позолоченных рамах.

В аванзале стояли накрытые столы. В центре каждого – жирандоли со свечами.

«Посмотрим, чем потчевали на балах знать, – пробралась я к столам. – Фрукты, ого, и арбуз есть, и апельсины, засахаренные фрукты очень вкусные, я пробовала у Екатерины Андреевны. Пирамиды с конфетами, как здесь говорят, с конфектами, богатый ассортимент напитков. Чего бы выпить? В графинчиках, скорее всего, водка. Это вино белое и красное. Кофе, чай. Кстати, самовар в традиционном виде пока не изобрели, помочь, может, изобрести? Подумаю об этом. Вот мороженое буду, надо попробовать, какое оно, тем более натуральное все».

Свежий аромат апельсинов и арбузов перебивал запах свечей, пота и резких духов. Крупные куски сахарной ягоды сочились соком, так же, как и яркие оранжевые круги апельсинов. Огни сотен свечей отражались и переливались брызгами света в многочисленных фужерах с вином и шампанским. Отдельно стояли вазочки с разноцветными шариками мороженого на льду.

Лакеи, обслуживающие столы, сновали взад-вперед. Лакей, которому я хотела сказать про мороженое, не успела я моргнуть глазом, куда-то убежал. «Ладно, сама себя обслужу, чай, не बारे», – усмехнулась я.

Пробираясь к столу с мороженым, я увидела ту самую француженку, с которой столкнулась в галерее в парке. Сегодня она оживленно разговаривала с моложавым мужчиной, они вышли обратно в танцевальный зал.

Наконец я достигла своей цели, но не успела протянуть руку к вазочке с лакомством, как рядом со мной раздался визг и запахло паленым.

Обернувшись на визг, я увидела, что у одного вельможи, стоящего у торшера, горит парик. Он, пошатываясь, машет руками. Дамы начали махать веерами. Еще немного, и вспыхнет его кафтан.

«Дуры, что ж вы делаете, а мужики где? Так и сгорит ведь дядька», – мгновенно пронесли мысли. И, не раздумывая, растолкав верещающих дам, я сорвала парик с вельможи, бросила его на пол. Парик продолжал гореть.

Я увидела лакея, в растерянности смотрящего на меня. Я подбежала к нему.

– Быстро снимай кафтан, – скомандовала я. – Быстро! – закричала я, стараясь перекричать гул голосов и музыку.

Не дождавшись, я стала стягивать кафтан с лакея. Стянув, бросила его на парик и, подняв юбку, потопталась на нем.

К вельможе подбежала дама, начала его тормозить, расспрашивать, кто-то подал ему воды. Вокруг него сгрудилась толпа. Я, пользуясь суматохой, стала пробираться подальше от них, глядя себе под ноги. Вдруг я в кого-то врезалась, подняв голову, увидела, что это был Дмитрий.

– Ой, – только и сказала я.

Строганов молча схватил меня за руку и в прямом смысле слова поволок в сторону тронного зала, в котором тоже стояли накрытые столы, и играл оркестр. Дмитрий, не останавливаясь, привел меня в аудиенц-зал. Я даже не успела рассмотреть тронный зал, а ведь он тоже сейчас не такой, как в будущем.

В аудиенц-зале никого не было, только горели свечи в настенных бра между окон над зеркалами. В зале было практически темно. Двери в буфетную и в белую столовую были закрыты.

Дмитрий остановился, усадил, практически толкнул меня на стул, стоящий у дверей в буфетную, и навис надо мной.

– Это что такое там было? – довольно грозно спросил он тихим голосом, почти шепотом, но мне стало жутковато.

– Что? Я помогла предотвратить пожар и человека спасла, – пожав плечами, ответила тихо я.

– Это было очень дерзко, юные барышни так не поступают, тем более с князьями.

– Если князь, пусть горит? Что же все стояли как истуканы? А где вы были, Дмитрий Михайлович? Что же вы не поспешили на помощь? – пошла я в атаку.

– Где вас воспитывали, барышня? – оторопев, спросил Дмитрий.

– В России, папенька с маменькой, – продолжила дерзить я.

«Не нарывайся, – останавливала я себя, – замолчи, прикуси свой язык. Молчи, дурочка».

– Простите, Дмитрий Михайлович, – через силу попросила я прощения, сама не понимая за что. Я ведь спасла пьяного князя, спасибо пусть скажут.

– Хорошо еще, в тронном зале пожар не устроили, – Дмитрий остановил меня жестом, увидев, что я собираюсь возражать. Я только и успела рот открыть и закрыть. – Сидите здесь, пусть все затихнет, да и Елизавета Петровна сейчас должна приехать. Я найду Катю и приду за вами, поедем домой. Достаточно на сегодня.

Хмыкнув и кинув на меня непонятный взгляд то ли осуждения, то ли одобрения, Дмитрий развернулся и быстрым шагом вышел из зала.

«Все обещают скоро вернуться, – усмехнулась я. – Поела

мороженое, увидела Елизавету Петровну, называется, как же досадно. Вот и спасай их».

Я пыталась рассмотреть аудиенц-зал, зная, что он был полностью восстановлен реставраторами. Но в зале было уже слишком темно. От несправедливости и досады я встала и направилась к окну, решив, что, может, в окно удастся увидеть Елизавету Петровну, только если она приедет не со стороны западной части дворца.

Не успела я устроиться у окна, как за дверью буфетной раздался шум и послышался чей-то голос. Голос был властный и недовольный. Я испугалась сама не знаю почему. И быстро встала в углу комнаты, чтобы, открывшись, дверь меня загородила. Я вжалась в стену. Юбку платья я сжала как могла плотнее, чтобы она не торчала из-за двери. Сердце колотилось как бешеное. Я старалась даже дышать тише.

– Алексей Петрович, разрешите объяснить, – услышала я мужской голос.

– Извольте, да быстро, – ответ был грозным.

«Алексей Петрович, – опешила я, – не Бестужев ли это часом? А ведь я собиралась держаться от него подальше. А подобралась ближе некуда. Почему я такая невезучая, да куда ж я опять вляпалась?»

Алексей Петрович Бестужев стоял у окна и барабанил пальцами руки по стеклу. Его осведомитель в кафтане лакея переминался с ноги на ногу, иногда вытирая пот со лба рукавом.

– Я жду, – поторопил Алексей Петрович.

– Я видел и слышал, как государыня передала француженке де Бомон письмо, – осведомитель замолчал.

Бестужев повернулся к осведомителю.

– Дальше? Чего замолк? На дыбу хочешь? – раздраженно спросил он.

– Простите, ваше высокопревосходительство, я пытаюсь точнее вспомнить, – теребя треуголку в руке, бормотал осведомитель.

– Говори.

– Государыня вытащила письмо из шкатулки на столе и сказала, что это ее ответ Людовику и что в скором времени получат разрешение на выезд.

– И что де Бомон сделала с письмом?

– Мне плохо было видно, мне кажется, она положила его в свою книгу.

– Чертовы французы, – пробормотал Алексей Петрович.

– Что, ваше высокопревосходительство? – переспросил осведомитель.

– Тебя не касается.

Бестужев подошел к осведомителю, из кармана кафтана достал монету, подал ее лакею.

– Благодарствую, ваше высокопревосходительство, – кланяясь, сказал тот.

– Иди, и чтобы никому ни слова, – Алексей Петрович по-прежнему был суров.

Осведомитель, пятясь задом, вышел из комнаты и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Невольно я стала свидетельницей разговора канцлера с каким-то шпионом. Услышав, что они разговаривают и не собираются выходить, я хотела потихоньку уйти. Но в это время у входа в зал раздался шум, в зал, хихикая, забежала парочка и, прижавшись к стене, стала целоваться. Я старалась не шевелиться, затаила дыхание.

Дамочка вырвалась и, дразня партнера, снова выпорхнула из зала, он за ней.

Я решила воспользоваться возможностью и уйти из аудиенц-зала до того, как закончится разговор канцлера. Стала выбираться из своего убежища-угла, как услышала, что где-то рядом открываются двери. Я замерла и прислушалась. Там, за дверью, раздались удаляющиеся от меня шаги.

«Есть несколько вариантов, куда он выйдет, – прикидывая план дворца в голове, думала я. – В белую столовую и потом сюда или из белой столовой в сторону китайского кабинета. Может из буфетной пройти через служебную комнату и выйти к лестнице у дубового кабинета, вариантов много».

Времени прошло достаточно, в аудиенц-зал никто не вошел, за дверью комнаты было тихо, я снова решила попытаться ускользнуть из зала. Я на цыпочках, поднимая платье, сделала несколько шагов.

– Иди сюда, – раздался голос Алексея Петровича.

Я остолбенела.

«Что мне делать, что говорить, дурочкой прикинуться? Я и так дура», – мгновенно пронеслось у меня.

– Заходи и быстро, у меня для тебя важное поручение, – продолжил он.

Я медленно повернулась и поняла, что дверь закрыта и все это говорилось не мне. Я нервно захихикала и тотчас же закрыла рот рукой.

– Слушаю, Алексей Петрович, – с акцентом произнес мужской голос за дверью.

– Следить за де Бомон, изъять всю переписку, особенно обыскать книги.

– Слушаюсь.

– Беспорядка не наводить.

– Слушаюсь.

– Все, что найдешь, сразу ко мне.

Больше я не стала слушать и ждать. Я побежала, стараясь не поскользнуться и не упасть на паркете. Проталкиваясь через толпу у столов в тронном зале и ловко управляя фижмами на платье, я продолжала думать о том, что мне удалось услышать.

Я помнила по истории, что Бестужев радуется за англичан, в свое время он все сделал для того, чтобы удалить от двора Лестока и Шетарди и рассорить Елизавету с французами. Шуваловы и Воронцов, наоборот, хотят восстановить отношения с Людовиком. Я знаю: Англия заключит договор

с Пруссией и Франция, Австрия и Россия будут воевать в семилетней войне против Пруссии.

«Нельзя допустить, чтобы история изменилась, если письмо Елизаветы не дойдет до Людовика», – думала я, остановившись в аванзале и высматривая Дмитрия или Екатерину Андреевну. Я не увидела их и решила идти в танцевальный зал.

«Я не имею права вмешиваться в историю. Кстати, та француженка с книгой, с которой я столкнулась в парке и которую видела в зале, не де Бомон ли? – стала рассуждать я, – точно, она де Бомон».

В танцевальном зале звучала быстрая мелодия, под которую прыгали и скакали пары, парики на их головах подпрыгивали, это выглядело довольно забавно. Если бы у меня было время и настроение, я бы обязательно посмотрела и посмеялась бы над ними. Медленно двигаясь в танцевальном зале в толпе, я иногда вставала на цыпочки и искала глазами Дмитрия и Екатерину Андреевну.

«Но если замысел Бестужева удастся, тогда вся история изменится. Куда мне тогда возвращаться? В какой мир я вернусь? – пробираясь к выходу, задумалась я. – Я сама не могу предупредить де Бомон, никому рассказать ничего не могу».

В наступающем отчаянии я вышла на парадную лестницу. Здесь было прохладно. Дышать сразу стало легче. Я оперлась ладонями о перила. Прохладные камни охладили ладони сквозь перчатки.

Я решила спуститься по лестнице, выйти на улицу, подышать свежим воздухом и там подумать. Спустилась с лестницы, на улице было светло от факелов. Боковым зрением я увидела тень у колонны, и меня потащили в неосвещенный угол. Я оказалась прижатой к стене каким-то пьяным юнцом, у которого неровно прорастала щетина.

– Сударыня, вы прекрасны, – заплетающимся языком проговорил он, дыхнув на меня перегаром.

– Отпусти, – вырываясь, с усилием проговорила я. Но он хоть и был пьян, был очень силен. – Да отпусти ты, черт.

Юнец только захохотал и стал засовывать руку мне в корсет, второй рукой он пытался пробраться мне под юбки.

«Вот сейчас бы и пояс целомудрия не помешал бы», – успела подумать я.

– Ну, держись, гаденыш, – я разозлилась, – тебя по-хорошему просили.

Со всего размаха отработанным приемом я ударила его коленом, уж не знаю, куда я там ему попала, но он согнулся пополам и завыл.

Не успела я отойти от юнца и поправить платье, как меня снова дернули за руку и поволокли к выходу.

– Да что ж такое, куда меня все время тащат, – закричала я, пытаюсь вырвать руку и упираясь.

– Быстро иди, – услышала я голос Дмитрия.

«Свои, – радостно подумала я, ускоряя шаг. – Боже мой, ну и денек выдался. Видел бы мои приключения брат, а то

все ругает за мои вылазки. Да они – детский сад по сравнению с сегодняшними приключениями».

Дмитрий выволок меня на улицу, протащил за угол здания и остановился, прижав меня к стене.

– Ты что делаешь? Ни на минуту нельзя тебя оставить: то пожар устраиваешь, то дерешься с баронами, – сквозь зубы тихо говорил Дмитрий, остановившись.

Меня отпустило напряжение, зубы застучали, стала бить мелкая дрожь.

– Я ничего не делала, я спасала и защищалась.

– Свалилась на мою голову. – Дмитрий потащил меня к карете. – Катя уже ждет, поехали.

– Не на голову, а под колеса кареты, – решила поправить я, продолжая бороться с несправедливостью и наговорами, еле успевая за ним.

Михаил Илларионович Воронцов, мужчина средних лет, сидел за большим письменным столом и прижимал печатку к расплавленному сургучу на письме. Перед ним на столе стоял канделябр с зажженными свечами, чернильница, стакан с перьями, песочные часы, на углу стола лежали стопкой книги, папки с бумагами. С правой стороны, под рукой, находился бронзовый колокольчик для вызова и шкатулка для писем.

– П-по п-приказу к-канцлера установлена с-слежка за м-мадемуазель д-де Бомон, – докладывал, чуть заикаясь, молодой помощник Воронцова Григорий.

– Немедленно установить своих наблюдателей, сразу сообщать обо всех их действиях.

Михаил Илларионович, подняв голову от письма, надел печатку на палец левой руки и внимательно посмотрел на помощника:

– Это все?

– П-появилась н-новая девица, к-какая-то г-гостья или родственница г-графини Ростовцевой и г-графа С-строганова. Ее в-видели разговаривающей в парке с м-мадемуазель д-де Бомон. На б-балу ее тоже з-заметили, г-говорят, что из-за нее к-какой-то с-скандал вышел.

Михаил Илларионович встал из-за стола, взял письмо.

– За девицей пока наблюдение не устанавливать, а за бестужевскими прихвостнями следить неустанно, – он отдал письмо помощнику. – Доставить незамедлительно.

– С-слушаюсь, – сказал помощник, выходя из кабинета.

– Так, так, так, – вслух проговорил Михаил Илларионович, – надо выяснить, что за девица появилась. Но это я узнаю сам.

Воронцов взял колокольчик со стола, позвонил.

– Выезд закладывайте, – громко сказал он лакею, вошедшему на звонок.

Иван Иванович стоял на втором этаже библиотеки, опершись на перила, держа в руках книгу, и смотрел вниз.

Библиотека была большая, внизу, вдоль стен, стоят деревянные шкафы со стеклянными дверцами, полностью заполненные книгами. На полу лежит ковер с геометрическим орнаментом. На второй ярус библиотеки вела узкая деревянная лестница с крутыми ступенями, с резными перилами. Второй ярус огораживают искусно вырезанные деревянные перила, а снизу его подпирают деревянные колонны с резным узором. Потолок и стены библиотеки обшиты деревянными панелями. На втором этаже тоже были шкафы с книгами с застекленными дверцами.

Внизу два стола. Один, большой, прямоугольный, практически полностью завален книгами и бумагами, располагается в центре библиотеки. Второй, круглый, находится в углу комнаты, вокруг него расставлены стулья, на столе стоит канделябр со свечами, чернильница и стакан с перьями.

– Сейчас ужин будет, останешься? – спросил Иван Иванович стоящего внизу у круглого стола мужчину средних лет в кафтане болотного цвета, немного потертом, с манжетами из самого дешевого кружева.

– Нет, мне еще Петра наведать надо, – ответил мужчина, Александр Иванович Шувалов, глава Тайной канцелярии

и двоюродный брат Ивана Ивановича Шувалова.

– Передавай поклон ему и Мавре Егоровне, – спускаясь по деревянной лестнице, сказал Иван Иванович.

– Ваня, а что за девица вчера была вместе с Дмитрием? – неожиданно спросил Александр Иванович, остановившись у выхода из библиотеки.

– Девица? – удивившись, переспросил Иван Иванович. – Он весь вечер был с княгиней Ольгой Бельской, разве ты ее не узнал?

– Нет, другая, молодая, красивая и дерзкая. Я видел сам, как она внизу барону дала отпор, и она была с Дмитрием. – Правую сторону лица Александра Ивановича подергивал нервный тик, который проявлялся, когда тот был взволнован радостью, гневом, страхом или боязнью.

– А, это гостя графини Ростовцевой, графиня Мария Белозерская, – ответил Иван Иванович, вспомнив чуть бледную от волнения Марию.

– Михаил Илларионович ею интересуется, просит установить за ней наблюдение. Сам знаешь, какие сейчас времена, за всем пригляд нужен.

Иван Иванович подошел к столу, положил книгу. Ему понравилась Мария, хоть ему и не удалось с ней поближе познакомиться. Он не хотел, чтобы у Марии или у Екатерины Андреевны, которую он уважал и ценил, начались неприятности с Тайной канцелярией.

– Не стоит, – решительно сказал Иван Иванович, – она

родственница покойного мужа графини Ростовцевой. Екатерина Андреевна хочет сосватать ее за Дмитрия.

– Давно пора шалопая женить, может, он остепенится наконец-то, – засмеялся Александр Иванович.

– Да, пора уже, – улыбаясь, подтвердил Иван Иванович. – Так что передай Михаилу Илларионовичу, что не стоит беспокоиться по поводу гостыи графини.

– Передам. Доброго вечера, – сказал Александр Иванович, выходя из библиотеки.

– Пелагея! – крикнул Иван Иванович. – Подавай ужин.

Дмитрий, стоя у стула, на котором лежал его кафтан с камзолом, надевал рубашку.

На большой кровати в полупрозрачном пеньюаре лежала Ольга Бельская, темные шелковистые волосы волной были раскинуты на подушке. Приподнявшись, она оперлась на локоть и смотрела на Дмитрия.

На кресле рядом валялось ее платье, с другой стороны кровати на ширме висели шелковые чулки Ольги. Перед кроватью стоял туалетный столик с большим зеркалом, в котором отражалась кровать.

– Милый, ты опять от меня сбегаешь, – сказал Ольга, поглядывая на свое отражение в зеркале и чуть больше распахивая пеньюар.

– Почему опять? – равнодушно спросил Дмитрий, застегивая пуговицы на манжетах.

– Ты сбежал от меня вчера, я не дождалась обещанного танца, и не одного, – медленно встав с кровати и подойдя к Дмитрию, сказала она.

Ольга прижалась грудью к его спине, просунула руки ему под мышки и медленно провела ладонями по его груди. Мужчина замер. Ольга отпустила руки, обошла его и медленно стала застегивать мелкие пуговицы на рубашке.

– Скажи, а кто это был с твоей тетушкой? – игриво спро-

сила она.

– Ее гостья, – неохотно ответил Дмитрий.

– Она хорошенькая, – застегнув пуговицы и медленно проводя руками по груди сверху вниз, сказала Ольга.

– Да? Не заметил, обычная. – Дмитрий убрал руки Ольги с груди, взял камзол и стал его надевать. – Мне пора.

– Поужинаем завтра? – садясь на кровать и не запахивая открывшийся на груди пеньюар, спросила Ольга.

– Я пришлю записку. – Дмитрий, застегивая камзол, наклонился, поцеловал Бельскую. Она обвила руками его шею и ответила на поцелуй.

Екатерина Андреевна в рабочем фартуке сидела за резным столом у стены, горящие в канделябре свечи освещали стол. Она низко наклонилась над брошью, закрепленной в деревянных тисках. В руках у нее была лупа и круглогубцы – щипцы с круглоконической рабочей поверхностью.

На столе перед женщиной были аккуратно разложены инструменты для изготовления ювелирных украшений: разных форм и размеров пилки, напильники, щипцы, металлические стержни, маленькие молоточки, пинцеты – и мерительные инструменты.

Я сидела на угловом диване и наблюдала, с каким увлечением и азартом исследует брошь Екатерина Андреевна. Я была настолько удивлена, что у нее нашлись инструменты для ювелирных изделий, что даже не стала сразу про них спрашивать.

– Изящная оправа, интересная закрепка бриллиантов. Камни расположены так близко друг к другу, удивительная работа. Машенька, – обернувшись ко мне, обратилась она, – ты сказала, что тебе по наследству досталась она, не знаешь, кто ювелир? – и сразу же увлеченно снова повернулась к броши.

– Нет, к сожалению, не знаю. Бабушке эту брошь в свое время подарил поклонник. Он привез брошь из Венеции. Ее

сделали по его рисунку, – с ходу смешала я правду и вымысел.

Брошь действительно досталась мне от бабушки, только поклонник подарил ее моей прапрабабушке, а не бабушке.

– Из Венеции? Странно, не встречала там подобных работ. Чистейшие бриллианты, крупный изумруд, – продолжала изучать брошь она. – Какой у него красивый темно-зеленый цвет, никаких природных дефектов, и огранка интересная.

– Катя, а как это ты стала заниматься ювелирными украшениями? Это так необычно, не встречала женщин-ювелиров.

«Особенно в XVIII веке, да чтобы женщина-ювелир. Как интересно складывается, а ведь мы с ней похожи нашими неженскими профессиями», – рассуждала я.

– Мой покойный муж позволял мне изучать ювелирное искусство, пока мы два года жили в Италии. Николай меня очень любил и купил мне все эти инструменты и материалы. К несчастью, он был очень болен и скончался, как только мы вернулись домой.

– Мне очень жаль, прости, я не знала.

– Я уже смирилась. Сначала мне было очень плохо, спасибо Дмитрию, был рядом. Только он никак не может смириться с моим, как он говорит, немужским делом. Я ведь, – Екатерина Андреевна повернулась ко мне, – иногда делаю украшения под мужским именем – месье Лангле, больше для

собственного удовольствия. И даже от прислуги я стараюсь скрывать свое увлечение.

– А можно посмотреть? – заинтересовалась я.

– Да, конечно, чуть позже покажу.

– А почему не под своим именем делаешь украшения?

– Если мой племянник, который поддерживает Ивана Шувалова во всех новаторских начинаниях, не разделяет мои взгляды, то что скажут все остальные?

– Но великая княгиня Екатерина Алексеевна изучает науки. Скоро многие женщины придут в науку.

– Я пока не готова к всеобщему вниманию, мне хочется спокойствия.

– Катя, но времена меняются, и ты уже сама меняешь этот мир, – я пыталась убедить Екатерину Андреевну.

– Возможно, придет время. А сейчас я почищу камни, поправлю закрепки, – перевела разговор в другое русло Ростовцева. – Хорошо, что камни не выпали, я не смогла бы найти подобные. Самое сложное – отремонтировать застежку, но я уже знаю, как все исправить, – она довольно улыбалась.

– Катя, спасибо тебе большое.

Екатерина Андреевна хотела мне что-то ответить, но тут раздался грохот, звук бьющегося стекла и громкие причитания. Мы вскочили и выбежали из кабинета.

В зале мы увидели, что большое овальное зеркало в позолоченной раме, висящее над диванчиком, упало и разбилось на мелкие кусочки, рама раскололась на несколько частей.

Глаша стояла перед осколками зеркала на коленях и громко плакала, причитая.

– Как же так, – увидев нас, разразилась она еще горше, – барыня, я не знаю, как это произошло, я стала вытирать пыль, а оно упало.

– Глаша, успокойся, – Екатерина Андреевна была само спокойствие, – самое главное, ты не пострадала.

– Барыня, – всхлипывала Глаша, – это плохая примета. – Крестьясь и стараясь не смотреть в осколки зеркала, она поднимала куски рамы и складывала их на стол у дивана.

– Глупости, Глаша. Я не верю в приметы. Вставай, собери все и не поранься.

Мне пришла идея, как можно использовать мелкие кусочки зеркала.

– Катюша, можно я соберу осколки и сделаю одну штуку, пригодится в хозяйстве.

– Да? А что именно? – любопытствовала Екатерина Андреевна.

– Можно я не буду говорить пока, надо попробовать сначала, вдруг не получится.

– Хорошо, – улыбнулась она, – разбирайтесь, я у себя в кабинете.

Екатерина Андреевна вышла из зала. Глаша, вытирая слезы рукавом, смотрела на меня.

– Глаша, несите таз, будем собирать осколки, потом я скажу, что мне еще понадобится.

Горничная, кивнув, быстро поднялась с пола и осторожно, стараясь не наступить на осколки, выбежала из комнаты.

Я опустилась на корточки и стала аккуратно собирать остатки зеркала, сразу осматривая их и раскладывая по кучкам: мелкие – в одну, крупные – в другую.

Я сидела за столом у себя в комнате. Передо мной стояла небольшая по диаметру глубокая глиняная чаша, по форме напоминавшая колокол, рыбий клей в пузырьке из толстого и темного стекла, кисть и пинцет, которые мне принесла Глаша. На полу у стола мы поставили тазик с осколками зеркала.

«Интересно, если я чуть раньше, лет эдак на 25, повторю изобретение Ивана Кулибина, я изменю будущее?» – думала я.

Глашу я выпроводила из комнаты, заверив, что мне не нужна ее помощь.

Конечно, это была не алебастровая чаша, которую использовал Кулибин, но для эксперимента и глиняная подошла. Пинцетом я осторожно брала кусочки зеркала, кистью намазывала клей и приклеивала их к внутренней стороне чаши. Точного совпадения по стыкам у меня не получалось, но я надеялась, что это не скажется на результате работы.

Работая, я все размышляла, как мне вернуться домой, ведь на пустыре, когда я нашла брошь, я так ничего и не почувствовала, не поняла.

Какие у меня вводные данные? Что я точно знаю? Знаю, что я была в мужском костюме, был день летнего солнцестояния, был фейерверк, убийство физика и мое ранение.

Я примерно знаю, где меня нашли сейчас, я помню, где

я потеряла сознание тогда. Но я все равно не знаю первопричину, почему произошло мое перемещение. Сколько я смотрела фильмов и читала книг в детстве про путешествия во времени, но никогда не рассматривала всерьез возможность физического перемещения. Мой разум отказывался понимать, как это произошло.

Я знаю, что существует несколько гипотетических способов перемещения в прошлое. Машины времени у меня нет и не было, да и как физик-материалист на данный момент я не верю в нее. Самый подходящий способ – через кротовую нору.

Изредка я делала небольшие перерывы в оклеивании чаши, давая время, чтобы клей схватился. Но продолжала думать, перебирая и подготавливая следующие осколки зеркала. Монотонная работа всегда меня успокаивала, когда требовалось сосредоточиться.

Кротовая нора, как мне известно, – гипотетическая топологическая особенность пространства-времени, представляющая собой в каждый момент времени «туннель» в пространстве. Да, согласна, кротовые норы согласуются с общей теорией относительности, но неизвестно, существуют ли они на самом деле. Что ж, так и буду пока называть свой путь домой «кротовой норой», решено.

И как мне найти эту кротовую нору? Какие условия мне необходимо точно выполнить для прохождения через «туннель»? Где вход и выход «кротовой норы»? Логичнее всего,

что это то место, где я упала и где меня нашли. Судя по месту, где меня нашли, оно находится рядом с местом, где я потеряла сознание, только оно еще не застроено.

Так незаметно для себя, анализируя и делая выводы, я оклеила чашу кусочками зеркала. Чашу я поместила на ребро, укрепив ее, внутри поставила свечу в невысоком подсвечнике – получился прототип прожектора, в котором сила света свечи должна увеличиваться в несколько сотен раз.

Кулибин предназначал свое изобретение для оснащения морских судов, маяков, для освещения городских улиц, промышленных и художественных мастерских. Так как мне не нужно было освещать улицы, а только кабинет-мастерскую Екатерины Андреевны во время ее работы, то я выбрала небольшую чашу.

Когда я зажгла свечу, то света от прожектора хватило, чтобы осветить всю мою комнату. Результат меня порадовал.

Что ж, и зеркало не пропало, и практически проверила работу прожектора Кулибина. Перехожу из теоретиков в практики. Кстати, и так называемую кротовую нору придется практически проверять на самой себе, ухмыляясь, думала я.

Если я здесь подольше задержусь, то такими темпами точно произведу технологическую революцию. Надо держать себя в руках. Все, обещаю себе, больше ни во что не вмешиваюсь.

Будь я в Европе, меня точно сожгли бы как ведьму. Там еще иногда сжигали ведьм в начале и середине XVIII века.

Ну, может быть, научу кухарку Марфу готовить картошку и еще кое-какие бытовые мелочи по хозяйству сделаю. Да уж, правильно говорил про меня мой брат: горе от ума.

Дмитрий Строганов и Иван Шувалов расположились в дубовом кабинете Петра I, квадратной комнате с невысоким потолком и четырьмя окнами с мелкой расстекловкой, закрывавшимися складными дубовыми ставнями. Резные дубовые щиты-панели сплошь закрывали стены, придавая интерьеру удивительную теплоту и уютность. Вытянутые по вертикали филенки стен, двери, десюдепорты были покрыты необычайно изящной резьбой.

На деревянном резном бюро, установленном между окон, стояли походные часы – будильник Петра I. На полках лежали книги из петровской библиотеки. На панно, расположенными за бюро, были изображены мифологические и аллегорические эмблемы, фигуры и орнаменты с ювелирно проработанными деталями рельефов. Панно посвящались прославлению Петра Великого и его супруги и были украшены символами военного и морского могущества, скульптуры, живописи, архитектуры, музыки и торговли, а также времен года.

На бюргерских раздвижных столах стояли два кабинета итальянской работы конца XVII века, выполненные из черного дерева и бронзы со вставками из лазурита, яшмы и мрамора. На стене над столами висели большие зеркала.

В центре кабинета располагался глобус-сфера на подстав-

ке. На полках шкафа-поставца были расставлены навигационные измерительные приборы.

Дмитрий стоял у окна, из которого открывался вид на Финский залив, повернувшись к сидевшему на стуле перед бюро Ивану Ивановичу.

– Митя, ты понимаешь, что все довольно серьезно? И не злись на меня. Мне пришлось так сказать.

– Скажи еще, что мне и жениться нужно будет. – Дмитрий с досадой стукнул кулаком по подоконнику.

– Никто тебя пока не заставляет жениться, но неприятности ни Екатерине, ни тебе не нужны. И Марии тоже, – чуть помолчав, сказал Иван Иванович.

– Только и слышу: Мария, Мария. Зря я ее домой к Кате привез. Жалею, что вообще остановился. Одни неприятности от нее. И ведь специально ничего не делает, а в неприятности попадает. Вот еще и Тайную канцелярию заинтересовала.

– Митя, – укоризненно проговорил Иван Иванович, – ты же знаешь, что братья и Воронцов никому не доверяют, тем более у Бестужева отлично работают осведомители. Но мне и тебе они доверяют.

Дмитрий отошел от окна, подошел к глобусу-сфере, крутанул его и стал ходить по кабинету взад-вперед.

– Ну конечно, особенно теперь, когда ты им сказал, что я чуть ли не женюсь, – Дмитрий усмехнулся. – Сейчас все об этом узнают, мне еще скандала не хватало с Ольгой.

– С Ольгой? – удивился Иван Иванович. – Ты же сказал, что вы расстались.

Иван Иванович развернулся на стуле в сторону Дмитрия.

– Говорил, но, как оказалось на балу, она так не считает, – лукаво произнес Дмитрий, поправляя кружева на рукаве, – я и не стал переубеждать ее, особенно прошлой ночью.

– Ты, как всегда, гуляка. Да не маячь ты, морская болезнь сейчас начнется, – укорил друга Иван Иванович, следя за ним глазами.

– Идем, нас ждут. – Дмитрий остановился у глобуса, опять сильно крутанул его.

Смеясь, друзья вышли из дубового кабинета, только глобус продолжал вращаться.

Алексей Петрович рассматривал письма, сидя за большим столом с резными массивными ножками. На столешнице зеленое сукно. В простенке между вторым и третьим окном удобно устроился резной деревянный книжный шкаф со стеклянными дверцами, заполненный книгами. У стены напротив большой мягкий диван, обитый тканью, подобной портьерам. По бокам дивана встали большие деревянные тумбы. На них канделябры со свечами. Перед диваном круглый деревянный столик, на нем штоф и графин, рюмки и фужеры, вокруг столика три мягких кресла.

Кабинет был просторным, с высокими потолками и большими окнами. Цветочный орнамент на потолке, лепнина, большая металлическая многоярусная люстра на цепях с многочисленными хрустальными чашечками, в которые вставлены свечи. На окнах тюль и портьеры с цветочным узором. Стены кабинета отделаны резными деревянными панелями, кроме торцевой стены, на которой расположен большой камин с защитной резной решеткой. На камине стояли два канделябра со свечами, между ними располагались большие резные часы. Над камином висело зеркало в темной резной раме. У камина стояло мягкое кресло. На полу – темный ковер.

– Это вся корреспонденция мадемуазель де Бомон?

– Да, и письма ее спутника, шевалье Маккензи-Дугласа, – чуть поклонившись, с акцентом ответил личный секретарь Бестужева Юберкампф с папкой из синего бархата в руках.

– Отлично. Эти, – Алексей Петрович откинул на край стола несколько развернутых писем, – можно вернуть назад. Только прежде, – строго посмотрел на Юберкампфа, – копии сделать.

– Будет сделано, – Юберкампф взял письма со стола и положил их в синюю папку.

– Что с этим письмом Елизаветы Петровны? – Бестужев указал пальцем на письмо, лежащее перед ним на столе.

– Не удалось расшифровать, Алексей Петрович, видимо, французы привезли новый шифр.

– Да, после того как Гольдбаху удалось расшифровать переписку Шетарди, они стали более осторожными.

Алексей Петрович взял лупу, развернул письмо так, чтобы была видна подпись, поднес лупу к подписи и внимательно стал рассматривать.

– А вот с этим поступим по-другому, – отложил лупу Алексей Петрович. – Еще не делали копию?

– Нет, Алексей Петрович. И я его еще не смотрел.

– Сделаешь лично копию, оригинал вернешь мне. С копией поедешь в Москву к Гольдбаху, – распорядился Алексей Петрович.

Алексей Петрович сложил письмо и передал его Юберкампфу.

– Будешь ждать в Москве дешифровку от Гольдбаха. Ступай.

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство.

Юберкампф положил письмо в папку и, кивнув, вышел из кабинета.

Алексей Петрович встал из-за стола, отодвинув деревянное резное кресло с сиденьем и спинкой из кожи, и подошел к столику. Налил себе рюмку водки, одним глотком выпил ее, крикнул, со стуком поставил рюмку на стол. И, шаркая ногами, направился к креслу у камина. Тяжело сел, вытянул ноги и, глядя на огонь, глубоко вздохнул.

Иван Иванович, Дмитрий и Михаил Илларионович сидели в кабинете Воронцова за ломберным столиком. Дмитрий просматривал колоду карт и откидывал в сторону десятки, девятки и восьмерки.

– Что пить будете? – на правах хозяина спросил Михаил Илларионович.

Воронцов вальяжно развалился в кресле, Иван Иванович снял кафтан, пуговицы камзола расстегнул, Дмитрий расслабил узел шейного платка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.